

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Как и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 год. Как и всегда, оказывается, — по уверениям министра, — что все обстоит благополучно: «финансы в совершенно благоприятном состоянии», в бюджете «неуклонно соблюдено равновесие», «жел.-дорожное дело продолжает успешно развиваться» и даже «происходит постоянное нарастание народного благосостояния»! Неудивительно, что у нас так мало интересуются вопросами государственного хозяйства, несмотря на всю их важность: интерес притуплен обязательным казенным славословием, каждый знает, что бумага все терпит, что публику «все равно» «не велено пушать» за кулисы официального финансового фокусничества.

На этот раз однако особенно бросается в глаза следующее обстоятельство. Фокусник с обычной ловкостью показывает публике пустые руки и, взмахивая ими, пред'являет одну за другой золотые монеты. Публика аплодирует. Но фокусник тем не менее начинает сам преусерднейшим образом защищаться и, чуть не со слезами на глазах, уверяет, что он не мошенничает, что дефицита нет, что долгов у него меньше, чем имущества. Русская публика так вышколена по части благопристойного поведения в присутственных местах, что ей становится вчуже как-то неловко, и только немногие бормочут про себя французскую пословицу: «Кто извиняется, тот сам себя обвиняет».

Посмотрим, как «извиняется» наш Витте¹. Гигантский расход почти в два миллиарда рублей (1.946 милл.) покрыт полностью только благодаря тому, что 144 милл. взяты из знаменитой «свободной наличности» государственного казначейства, а свободная наличность пополнена прошлогодним 4% займом в 127 милл. руб. (весь заем был в 148 милл. руб., но 21 милл. еще не получен). Значит, дефицит, покрытый займом? — Ничуть не бывало, уверяет нас маг, «заклучение займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотренные сметами расходы», так как за покрытием их оставалось «вполне свободных» 114 м. р., а желанием строить новые железные дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первых, дефицита вы этим не опровергаете, ибо даже «вполне свободными» 114 м. р. не покрыть расхода в 144 м. р. Во-вторых, в свободную наличность (114 м. р.) вошли 63 м. р. превышения поступления обыкновенных доходов в 1901 г. против предположений росписи, а наша печать давно уже указывает, что вы искусственно уменьшаете предположения росписи доходов, дабы фиктивно вздуть

«свободную наличность» и неуклонно повышать налоги. Так, в прошлом году повышены гербовые пошлины (новый гербовый устав), повышена цена казенной водки: с 7 р. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышение таможенных пошлин (произведенное в 1900 г. якобы «временно» в виду Китайской войны) и пр. В-третьих, воспевая «культурную роль» железных дорог, вы скромно умалчиваете о чисто-русском и совсем некультурном обычае грабить казну при постройке железных дорог (не говоря уже о безобразной эксплуатации жел. дор. подрядчиками рабочих и голодающих крестьян!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки сибирской железной дороги сначала была определена в 350 м. р., а на деле израсходовано 780 м. р., всего же перевалит, вероятно, и за миллиард (какой грабёж шел на сибирской дороге, об этом «Искра» уже кое-что сообщала: см. № 2). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, без пропусков, а вот насчет действительной величины расходов попробовали бы дать отчет!

Затем не следует также упускать из виду, что постройка жел. дорог в 1902 г. вызвана отчасти военными целями нашего «миролюбивого» правительства (громадная Бологое-Седлецкая линия, протяжением более 1000 верст), отчасти безусловной необходимостью хоть чем-нибудь «помочь» угнетенной промышленности, в делах которой Государственный Банк заинтересован непосредственно. Гос. Банк не только щедро ссужал разные пошатнувшиеся предприятия, но и принял многие из них фактически в свое полное заведывание. Банкротство промышленных предприятий грозило привести к государственному банкротству! Наконец, не забудем и того, что постоянное повышение суммы займов и размера налогов происходит под управлением «гениального» Витте, несмотря на то, что все капиталы сберегательных касс обращаются всецело на поддержку государственного кредита. А капиталы эти превысили уже 800 м. р. Примите все это во внимание, — и вы поймете, что Витте ведет хищническое хозяйство, что самодержавие медленно, но верно идет к банкротству, ибо нельзя же без конца повышать налоги, и не всегда же будет русского царя выручать французская буржуазия.

Витте защищается от обвинения в увеличении государственной задолженности такими доводами, над которыми стоит посмеяться. Он сравнивает долги и «имущество», сопоставляет сумму госуд. займов в 1892 и 1902 гг. со стоимостью казенных жел. дорог за те же годы и выводит уменьшение «чистой» задолженности. А ведь у нас и еще есть имущество: «крепости и военные суда» (ей-богу, так и сказано в докладе!), порты и казенные заводы, оброчные статьи и леса. — Великолепно, г. Витте! Но не замечаете ли вы, что вы упо-

доблаетесь тому купцу, который уже вызван в суд по обвинению в банкротстве и который начинает оправдываться перед людьми, собирающимися описывать его имущество? Ведь куда предприятие стоит действительно непоколебимо прочно, — никому и в голову не придет требовать специального обеспечения займов. Ведь никто не сомневается, что «имущества» у русского народа имеется много, но, чем больше этого имущества, тем сильнее вина людей, которые, несмотря на обилие имущества, ведут хозяйство только при помощи увеличения займов и повышения налогов. Ведь вы доказываете только то, что народу следует как можно скорее прогнать распоряжающихся его имуществом хищников. В самом деле, ссылки на специальные государственные имущества в обеспечение государственных займов делала до сих пор из всех европейских стран одна только Турция. И эти ссылки вели естественно к тому, что иностранные кредиторы налагали свой контроль на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими займы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте!*

Мы не говорим уже о том, что крепости и военные суда ни один банкир в залог не возьмет, что это не плюс, а минус в нашем народном хозяйстве. Но и жел.

* Витте сам заметил неловкость своих рассуждений об «имуществе», и поэтому в другой части своего доклада он старается «поправиться», заявляя, что возрастание стоимости государственного имущества «в применении к обязательствам русской казны не имеет особого значения, так как кредит России не нуждается в специальных обеспечениях». Ну, конечно! А подробный расчет с перечнем этих специальных обеспечений все-таки составлен — на всякий случай!

дороги могут служить обеспечением только тогда, когда они приносят доход. А из того же доклада Витте мы узнаем, что до самого последнего времени все русские жел. дороги вообще приносили убыток. Только в 1900 г. покрыт был дефицит по сибирским дорогам, и получилась «небольшая чистая прибыль», настолько небольшая, что о величине ее Витте скромно молчит. Молчит он и о том, что за первые две трети 1901 г. выручка железных дорог в Евр. России понизилась по случаю кризиса. Каков-то был бы баланс нашего жел.-дор. хозяйства, если бы сосчитать не только казенные цифры выданных на постройку денег, но и действительные суммы расхищенных при постройке денег? Не пора ли в самом деле передать это действительно ценное имущество в более надежные руки?

О промышленном кризисе Витте говорит, разумеется, в самом успокоительном тоне: «заминка», «несомненно, общих промышленных успехов не коснется и, по истечении некоторого промежутка времени, вероятно (!), наступит новый период промышленного оживления». Хорошо утешение для миллионов рабочего класса, страдающих от безработицы и уменьшения заработка! В перечне государственных расходов вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указания на то, сколько миллионов и десятков миллионов бросила казна на прямую и косвенную поддержку «страдающих» от кризиса промышленных предприятий. А что при этом не останавливались и перед гигантскими суммами, видно из того сообщенного в газетах факта, что общий размер ссуд, выданных Гос. Банком с 1 января 1899 г. по 1 янв. 1901 г. увеличился с 250 м. руб. до 449 м. р., а размер промышленных ссуд с 8,7 м. р. до 38,8 м. р. Даже убыток в 4 м. р. по промышленным ссудам несколько не затруднил казны. Рабочим же, которые приносили

БОРЬБА С КРАМОЛОЙ И «СЕРДЕЧНОЕ ПОПЕЧЕНИЕ» О РАБОЧИХ *

Надо отдать честь нашему правительству — оно напрягает все свои силы, чтобы противодействовать росту революционного настроения в русском обществе. Бьет оно с двух концов; с одного оно, по возможности, затывает все щели, через которые могут проникать в более или менее широкие общественные слои оппозиционные идеи или возбуждающие смуту факты, с другой, ведет нужную ему пропаганду и словом и действием.

Цензурные стеснения то и дело сыпятся на нашу печать; особым цензурным ведомством становится даже Деп. полиции, а цензурных кар не избегают даже такие бульварные газеты, как «Петерб. Листок», такие продажные органы, как «Новое Время», такие сомнительные издания, как «Русское Слово», «Россия». Культурные общества прикрываются одно за другим. Не так давно умерло «Московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий»; позже умерло такое же общество в Ростове-на-Дону; еще раньше погибло общество по доставлению чтения больным и бедным в Спб. А тем обществам и учреждениям, которые еще влечат свое жалкое существование, строго запрещается излиш-

нее усердие в культурной работе. Попробовало, напр., Иваново-Вознесенское общество трезвости «ходатайствовать» о разрешении ему торговли всеми книгами, разрешенными цензурой, и «удовлетворения не получило». Попробовало Московское педагогическое общество просить о разрешении устроить съезд деятелей по народному образованию в память Ушинского и тоже «осталось без удовлетворения». Попробовало Новгородское земство просить о внесении в число книг, разрешенных для народных чтений, нескольких книжек, и из его списка, в котором числились: Мельшин, Некрасов и кое-что из Глеба Успенского, ему милостиво разрешили всего лишь две книжицы. Запело наше правительство о реформе в деле народного просвещения, сделало вид, что оно «готово принять к сведению» голос общества по этой части, и в лице г. министра внутренних дел особым циркуляром по адресу губернаторов... запретило допускать в городских думах разговоры о реформе средней школы.

Искореня «вредные идеи», правительство ищет и видит их повсюду; поэтому ничуть не удивительно, если оно увидело возможность распространения этих идей даже в подобных думских разговорах. Наше чахлое самоуправление — вообще для правительства бельмо на глазу. В нем чудится гг. министрам вечный источник крамолы, и вот они неустанно обрезают и без того короткие крылья нашему земству, нашим городским думам и управам. В каждые земские выборы правительство

* Запоздало по недостатку места. Ред.

на алтарь «промышленных успехов» не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь миллионов, существующих на их заработок, — рабочим казна помогала тем, что «даром» высылала их тысячами из промышленных городов в голодающие деревни!

Слова «голод» Витте совсем избегает, уверяя в своем докладе, что «тяжелое влияние неурожая... будет смягчено щедрой помощью нуждающимся». Эта щедрая помощь, по его же словам, равняется 20 м. р., тогда как недобор хлеба оценивается в 250 м. р. (считая по очень низкой цене, по 50 коп. за пуд, но зато сравнивая с годами благоприятных жатв). Не правда ли, как это в самом деле «щедро»? Допустите даже, что только половина недобора падает на крестьянскую бедноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оценивали скардность русского правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 «Искры»), что правительство урезывает ссуды впятеро. Щедр русский царь не на помощь мужику, а на полицейские меры против тех, кто действительно хотел помочь голодающим. Щедр он также и на миллионы, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирней кусок у Китая. За два года — сообщает Витте — на китайскую войну из чрезвычайных расходов пошло 80 милл. руб., да «сверх того весьма значительные суммы были издержаны за счет обыкновенного бюджета». Всего, значит, вероятно, до сотни миллионов рублей, если не свыше! Безработный рабочий и голодающий мужик могут утешиться тем, что Манджурия зато наверное будет наша...

Недостаток места заставляет нас лишь вкратце коснуться остальных частей доклада. Витте защищается также от обвинения в скудности расходов на народное просвещение: к 36 м. р. по смете этого министерства

он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 м. р. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию и по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов. — То обстоятельство, что «наш государственный бюджет построен по преимуществу на системе косвенного обложения», Витте считает преимуществом, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности «соразмерять потребление обложенных предметов со степенью благосостояния». На самом же деле, как известно, косвенное обложение, падая на предметы потребления масс, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. Мало имущая и неимущая масса составляет $\frac{9}{10}$ всего народонаселения, потребляет $\frac{9}{10}$ всех обложенных продуктов и платит $\frac{9}{10}$ всей суммы косвенных налогов, а между тем из всего народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых.

В заключение — интересная «мелочь». По каким статьям всего более увеличились расходы с 1901 по 1902 г.? Вся сумма расхода увеличилась с 1.788 м. р. до 1.946 м. р., т. е. менее, чем на одну десятую. Между тем почти на четверть возросли расходы по двум статьям: «на содержание особ императорской фамилии» — с 9,8 м. р. до 12,8 м. р. и... «на содержание отдельного корпуса жандармов» — с 3,96 м. р. до 4,94 м. р. Вот ответ на вопрос: какие «нужды русского народа» наиболее настоятельны? И какое трогательное «единение» царя с жандармами!

[Н. Ленин]

цельми десятками не утверждает избранных председателей земских управ и ставит своих казенных, вроде гг. Родзянко, которые успешно проводят в безгласных земствах правительственные интересы. Все самоуправление — и земское и городское — решительно хотят превратить в простой придаток к мин. внутр. дел, в чиновничье учреждение. Земство стоит на полдороге к этому идеалу, а по отношению к городу уже практикуется первый решительный шаг: недавние номера газет принесли нам известие, что петербургскую городскую управу хотят обратить в «особое, по городским делам, присутствие» с «казенным» городским головой и тремя «гласными» по назначению от правительства, и отдать это столичное «самоуправление» под непосредственное ведение мин. вн. дел. За столицей той же судьбе подвергнутся, конечно, и прочие российские города. Хвала и честь усердию правительства! Наше городское самоуправление слишком мало или даже ничего не дает ни неимущим вообще, ни рабочим в частности: оно служило и служит буржуазии по преимуществу, и не нам, конечно, особенно печаловаться по поводу урезывания его прав. Нет, мы даже рады этому! Быть может, хоть после этой пощечины толстокожая русская буржуазия почувствует тиски самодержавия!

Боясь смуты и от газет и от культурных обществ, и от земств и от городских дум, правительство везде усматривает эту смуту прежде всего в головах интелли-

генции, и больше всего интеллигенции разночинской, не титулованной, не патентованной учеными патентами; вот почему в сфере легальной жизни нашего общества — правительство так усердно следит прежде всего за печатью, деятелем которой является разночинец, и за работой всякого рода частных, неофициальных культурных учреждений. Вот почему также оно ставит всевозможные препятствия разночинской интеллигенции в ее общении с народными массами. Известный циркуляр мин. внутр. дел по продовольственной кампании нынешнего года как нельзя более проявляет боязнь нашего правительства перед «смутой», которую способна внести в народные массы эта интеллигенция. «К сожалению, — жалуется министр, — ...начиная с недорода (!!!) 1891 — 1892 гг., иные благотворители, наряду с оказанием материальной помощи жителям неблагополучных местностей, стараются возбудить в их среде недовольство существующим порядком... При этом не в полной мере удовлетворенная нужда... болезни и расстройство хозяйства создают весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные в политическом отношении лица для преступных целей под личиной помощи ближнему». На этом основании г. министр предписывал следить за частной, не правительственной помощью, а дело продовольствия отдает в руки истинных отцов и благодетелей крестьян — земских начальников.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Еще о демонстрациях в Екатеринославе.

15 декабря в 5 час. толпа на проспекте достигла 5.000 чел. В 5 час. 20 мин., в тот момент, когда хлынул дождь, толпа душ в 300—400, преимущественно ремесленников, с криками: «Да здравствует политическая свобода!» быстро двинулась по бульвару. Было поднято краснознамя с надписями. Пехота в это время была далеко. Говорят, что с балконов и тротуаров слышались аплодисменты в ответ на крики: «Да здравствует политическая свобода! Долой самодержавие!»

За главной массой манифестантов бежали кругом городские. Хватали кой-кого, но толпа отбивала, она же отбросила и избивала городских, заграждавших ей путь. Вообще, полиции досталось, защищалась она трусливо и не раз бежала. Вдруг налетела сотня казаков, и началось избиение. Демонстрантов старались не разогнать, а избить. Казаки везжали на бульвар, набрасывались на отдельные группы и личности и избивали плетьюми и даже обнаженными шашками. Толпа действовала стойко, защищалась палками и камнями, разобрала мостовую: говорят, один студент выстрелил из револьвера в казака, ударившего его жену. Среди отбитых толпой арестованных оказалось много раненых. Вся битва длилась 15—20 мин. Манифестанты кинулись в перпендикулярные к проспекту улицы, и там их настигали и избивали казаки. Казаки били и топтали даже публику, дожидавшуюся пересадки на трамвай.

Система ареста практиковалась такая: выхватят из толпы, избьют и без чувств бросают в фуру и увозят. Под конец сам губернатор на лошади, окруженный штабом, распоряжался избиением. При появлении на проспекте он был ошвистан.

Часам к шести манифестанты были рассеяны. По более достоверным сведениям, арестовано 63 чел., из них 30 рабочих и 18 студентов. 16-го с утра казаки скакали

по бульварам, не позволяя останавливаться даже двум человекам. К 4 часам толпа в несколько сот человек гуляла по бульвару и в Яковлевском сквере, но не могла соединиться. Всюду, даже в церкви против сквера, были спрятаны казаки и солдаты. Тогда в толпе стали передавать шопотом: «на Чечелевку!» (рабочий квартал). В то время, как в субботу демонстранты состояли, главным образом, из ремесленников, в воскресенье пришли и заводские, но преобладали все же ремесленники.

Полиция, очевидно, не сообразила, куда удаляется толпа. На первой Чечелевке сошлось душ 150—200 раб., из всех дворов повысыпали обыватели, раздавались возгласы: «Идем на рабочую демонстрацию!» И демонстрация состоялась: пели революционные песни, раздавались революционные возгласы, было два знамени. Рабочие прошли по улицам и разошлись с криками: «До 1-го мая!» и т. п.

Казаки приехали, когда все уже кончилось, и могли побить только постороннюю публику.

Возбуждение, повидимому, сильное. В научном обществе, открытом в доме губернатора и под его председательством, в субботу вечером собрание было сорвано большинством. Заявляли, что после того, что сейчас было на улице, нельзя спокойно заседать, выбирать членов. Из 80 членов только 15 высказались против закрытия заседания.

Арестуют гимназистов, подростков, так что возмущение проникает всюду.

Все арестованные сильно избиты, есть тяжело раненые. Одному студенту просекли шашкой шапку, и рана на голове в $\frac{1}{4}$ д. длины, другому тоже повредили надкостницу.

Из Нижнего-Новгорода. Наш Нижний начал подавать некоторые признаки жизни приблизительно с весны 1901 г. До этого времени где-то в недрах его копошились люди, велась пропаганда среди рабочих, но все это настолько слабо, что результатов, видимых простым глазом, не замечалось. Весной понаехало много молодежи, высланной из различных университетов, и жизнь «общества» как будто немного оживилась. В апреле проек-

Так правительство затыкает щели, сквозь которые могут проникнуть в общество оппозиционные идеи. Оно делает это властно, не считаясь ни с чем, кроме своих аппетитов. А почему? Потому что оно не надеется встретить сопротивления. Что такое для него русский интеллигент-разночинец, что такое русский земец, русский городской «общественный деятель»? Для него это существа, неспособные противостоять насилию, а над такими существами оно может свободно производить свои операции. Не так ведет себя правительство с теми общественными элементами, которые способны к активному сопротивлению, к активному созданию — выражаемся словами г. мин. вн. дел — «немаловажных затруднений интересам порядка и управления». И их оно бьет, и их оно давит, но оно не может задавить, забить их и принуждено поэтому успокаивать их, заигрывать с ними, бросать им подачки и даже обращаться к ним с правительственной пропагандой. На что небольшая сила наше радикальное студенчество, но оно успело-таки за последние годы доставить правительству не мало неприятностей, и вот правительство очень озабочено умиротворением умов в среде этого непокорного общественного элемента; оно рекомендует «сердечное попечение» об учащейся молодежи, оно великодушно обещает реформу университетского строя, оно разрешает устройство «самообразовательных кружков»; оно заботится даже о жилищах студентов, открывая общежития, даже

о питании их, отпуская деньги на студенческие столовые (в Киеве 20 тысяч). На почве этих подачек и обещаний оно надеется посеять раскол в рядах студенчества: оно знает, что наиболее робкая и наименее требовательная часть учащейся молодежи будет способна помириться на малом и составит оплот против смуты.

Еще больше и еще более серьезных опасений внушает правительству рабочий класс. Проявившееся в нем революционное настроение заставляет правительство и здесь выступать с политикой «сердечного попечения». Бросая рабочим различные мелкие подачки, вроде забот г. Витте о здоровье железнодорожных чернорабочих, эксплуатируемых будто бы только подрядчиками, и железнодорожных «служащих», пострадавших от несчастных случаев, оно рядом с этим систематически «сердечно печется» о разумном проведении русским рабочим часов досуга, о поднятии умственного, нравственного и материального уровня рабочих при помощи касс взаимопомощи, потребилок, артелей, «рабочих клубов» и... попечительство о народной трезвости.

Среди трудящихся идея легальной взаимопомощи и легальных «клубов» пользуется, повидимому, некоторым престижем. Если порыться в газетах за последние месяцы, то можно наткнуться на целый ряд соответствующих фактов. В Перми организуется совещание служащих п. ж. д. по устройству семейных вечеров для служащих и рабочих этой дороги, а потом устраиваются

тировалось даже этой молодежью устроить демонстрацию с девизом: «За отмену временных правил», но местная либеральная интеллигенция клятвенным обещанием ходатайствовать перед правительством петицией за отмену временных правил убедила молодежь отказаться от своего намерения. Как уже сообщалось в № 4 «Искры», вопрос о демонстрации обсуждался публично в клубе с разрешения губернатора. Разрешение это было весьма ловким приемом. Все благонамеренные люди чуть не со слезами на глазах убеждали не устраивать демонстрации. «Подождите, не портите и не мешайте правительству, оно само идет к коренным реформам. Вот оно уже разрешило нам собраться и обсуждать такой „нелегальный“ вопрос, как демонстрация, — это громадная победа, теперь, значит, мы всегда можем публично обсуждать все подобные вопросы». Большинство пошло на эту приманку, было на собрании весьма умеренно, и большая часть высказалась против демонстрации, когда «столпы общества», вроде председателей уездной и губернской земских управ, управляющих казенной палатой и проч., обещали составить петицию об отмене временных правил. Однако, несмотря на публичное заявление о решении послать петицию, «либеральная» интеллигенция так и не исполнила его, — чего и должно было ожидать. Петиция где-то застряла, и вряд ли на ней собралось каких-нибудь 20 подписей. Молодежь только лишь раз убедились, что невозможно ждать чего-нибудь путного в смысле активного проявления своего сочувствия от наших либеральных болтунов, любящих отделиться только словами и платоническим сочувствием. С каким жаром говорили они против демонстрации 8 апреля и с какой великолепной осторожностью критиковали каждое слово составляемой петиции, «чтобы излишней резкостью не повредить делу». Мы знаем, откуда исходит боязнь этой излишней резкости.

До ноября наш город, видимо, отдыхал от своей весенней «деятельности» и не проявлял особых признаков жизни. 7 ноября из Нижнего уезжал в Крым М. Горький, и его отъезд взбаламутил наше мирное болотце и, видимо, уже надолго. Местная либеральная интеллигенция, присяжные поверенные, доктора и проч., решили устроить Горькому прощальный обед и поднести ему адрес. Молодежь, с своей стороны, тоже решила участво-

вать в этом «банquete» и воспользоваться этим случаем, чтобы раз навсегда указать этой буржуазной интеллигенции, что между ней (буржуазной интеллигенцией) и людьми, хоть сколько-нибудь желающими активно проявить свой протест против существующего строя, нет ничего общего. На «банquete» присутствовало человек 150. Адрес интеллигенции, написанный на изящном свитке, в пышных и туманных фразах восхвалял Горького, воспевавшего «безумство храбрых». От молодежи был прочитан адрес следующего содержания:

«Дорогой Алексей Максимович! Я буду говорить от лица моих товарищей, высланных студентов и курсисток и некоторой части местной интеллигенции. Не имея времени, по некоторым обстоятельствам, вылить свои чувства в красиво отделанную форму, мы выскажемся, может быть, не особенно красноречиво, но зато не скрывая своих мыслей, которые мы привыкли соединять с Вашей личностью и настроением, проникающим все Ваши произведения.

«Вынужденное расставание с Вами побуждает нас начать выражение своего сочувствия к Вам — идейному борцу за свободу личности — с выражения своего крайнего негодования. Мы возмущены совершенным и совершаемым над Вами насилием и считаем его проявлением тех безобразных условий русской жизни, которые дают всякого честно мыслящего и чувствующего человека и так нуждаются в освежающей буре.

«Исторические условия и недавние свежие факты резко и определенно выставили задачей нашего времени: борьбу за свободу, и мы, высоко ставя Ваш огромный художественный талант, больше всего ценим Вас за идеи, красной нитью проходящие через все Ваши произведения: мощное прославление свободной, смелой личности, отрицающей все условности, стесняющие ее развитие, могучий призыв к открытой и смелой борьбе за свободу. Но и это прославление и этот призыв привлекают нас не столько красотой формы, сколько ясностью и определенностью, которые не допускают никаких колебаний и которые кажутся нам так необходимыми. Ваше могучее слово особенно нужно теперь, когда человеческая личность все более и более подавляется растущей наглостью темных сил, когда реакция все усиливается, когда открытая борь-

и самые «семейные вечера». В той же Перми проектируется общество взаимопомощи рабочих механического производства и уже выработан и опубликован проект его устава. В Петербурге «среди подмастерьев трубачистного цеха» возникла мысль учредить «общество взаимного вспоможения на случай неспособности к труду и инвалидности». В Николаеве возникает «единственный на юге России» «рабочий клуб». В Минске происходят собрания еврейских рабочих-столяров, на которых дебатировались вопросы их экономического быта; было уже 5 собраний, и на первом из них избрана комиссия для составления устава «клуба». В том же Минске образовалась кооперативная артель подмастерьев портняжного цеха; там же существует артель и касса взаимопомощи подмастерьев-щетников. В Одессе возникает артель среди рабочих каменоломен, при чем проектируется приобретение собственной каменоломни. В Москве среди членов кассы типографчиков «возникла мысль устроить кружок или клуб с кабинетом для чтения». В Москве же получил утверждение устав потребительного общ. механического производства. Все это газетные сообщения за последние месяцы. Факты эти не безынтересные, и любопытно в них именно то, что правительство всем этим «начинаниям» не только не препятствует, но — повторяем — их, по всем видимостям, поощряет. Иначе не было бы понятно, почему оно с таким легким сердцем разрешает их, почему оно так

любовно смотрит хотя бы на московские рабочие собрания и даже открывает для отчета о них столбцы органа мин. финансов — «Торгово-Промышленную Газету», а в лице г. Зубатова в Москве и его достойного ученика г. Васильева в Минске усиленно рекомендует «самодетельность». Мы подозреваем, что имеется тайный циркулярчик, предписывающий чинам полиции, жандармерии и прочих полицейских учреждений усиленно заботиться о насаждении клубов и всякого рода ассоциаций. Почему бы иначе, например, г. одесскому полицмейстеру рекомендовать одесским извозчикам-хозяевам устройство своего промысла на кооперативных началах? Правда, г. полицмейстер не попал в цель, но ведь всякое бывает усердие у чинов полиции. Как бы то ни было, но нельзя уже сомневаться, что к развитию мирной самодеятельности в рабочей среде правительство относится теперь более, чем благосклонно. Урезывая печать, препятствуя всевозможным просветительным предприятиям разночинской интеллигенции, всяческими средствами ограждая своих подданных от революционной пропаганды, оно не может считать эту, так сказать, отрицательную, разрушительную программу искоренения смуты — достаточной. Оно дополняет ее программой созидательной. Оно стремится сосредоточить неспокойную мысль рабочих на мирной взаимопомощи и этим отвлечь их от борьбы и с буржуазией и с ним самим; оно хочет играть перед рабочими роль отца род-

ба и смелость становятся необходимыми. Да! в наше время странно восхищаться Вашими идеями и проповедывать «благоразумие и постепенность», непоследовательно отзываться на Ваш призыв «к свободе и к свету» и оставаться в бездействии тогда, когда сажают по тюрьмам всех, кто не мирится с гнетом и протестует против тьмы. Мы благодарны Вам за Вашу песнь «безумству храбрых», так как в ней мы черпаем силы, в ней мы видим оружие против тех, кто называет смелость безумной.

«Дорогой Ал. Макс! Наступает новая эпоха в русской жизни: смелость и откровенность становятся необходимыми, и мы считаем Вас самым ярким ее представителем, самым талантливым ее провозвестником. Мы не забудем, что Вы дали лозунг, который помог и поможет нам бороться с нашими врагами и разобраться в наших друзьях».

Предполагалось, что после прочтения возникнут споры, что либералы не согласятся с адресом, но, к величайшему удивлению, они были «со всем согласны». Горький, с своей стороны, высказал свое отношение к либеральной интеллигенции, а отчасти и к радикальной молодежи, прочтя свое произведение: «О писателе, который зазнался», где клеймил холопство, трусость, полное отсутствие активности, господствующее в современном обществе.

На этом же «банкете» молодежью было решено устроить по поводу отъезда Горького демонстрацию (о ней см. корресп. в № 13 «Искры»). Демонстрация произвела довольно сильное впечатление. О ней долго говорили в разных слоях общества, и сказанная одним из участников речь произвела сильное впечатление на толпу слушателей, состоявшую из извозчиков, приказчиков и мастеровых.

Беспорядки в среднетехническом училище из-за введения новых правил окончились исключением трех человек без права поступления. По поводу истории в техническом училище было выпущено «Открытое письмо к обществу», приглашавшее общество отозваться на события.

Дворянство в роли шпиона. Г. попечитель Харьковского учебного округа в своих «Циркулярах» (№ 7 за 1901 г.) любезно опубликовал во всеобщее сведение любопытный документ, недурно характеризующий отношение самодержавного чиновничества к «первенствующему сословию» страны — благородному российскому дворянству. Документ этот — циркуляр министра вн. д. г. Сипягина² от 30 апр. 1901 г. за № 5, конфиденциально разосланный всем губернаторам. Циркуляр касается недавно вышедших новых правил о чтениях для народа. Как известно, царское правительство, заботливо оберегая всех вообще верноподданных от всякого рода «вредных учений» и «самопроизвольных толкований», особенно блюдет чистоту помыслов так называемого «простонародья», всячески изолируя сохранить в «простотинах» холопскую преданность царю и слепую покорность выючного животного тяжелой, беспросветной трудовой доле. Народные чтения, обставленные массою формальностей и тройной цензурой, мало имеют значения для полуграмотных и даже для безграмотных слоев рабочего класса и крестьянства и зачастую не удовлетворяют стремлениям внести знание и свет в народную среду со стороны лучших представителей буржуазного общества. Считаясь с недовольством последних и правильно рассуждая, что излишние препоны могут оттолкнуть либералов от невинных просветительных упражнений и, чего доброго, часть сил и средств отвлечь к просветительному движению, несчитающемуся с правительственной указкой, т. е. к революционному движению, Комитет министров выработал новые правила, которые несколько облегчают как открытие, так и самое ведение народных чтений.

Бросив подачку мирным культуртрегерам, гг. министры, однако, спохватились, как бы чего не вышло. И вот Сипягин, надев привычные доспехи умудренного житейским опытом государственного мужа, обращается к губернаторам, как к «главным ответственным блюстителям общественного порядка и спокойствия в губернии», с предложением принять все меры к тому, чтобы к народным чтениям не были допущены «люди неблагонамеренные», которые могли бы способствовать «обращению чтений в орудие противоправительственной пропаганды». Прежде чем допустить какое-либо лицо к участию в чте-

ного и этим затемнять сознание противоположности интересов его и интересов рабочих, так как оно знает, что сознание этой противоположности — первый шаг к революционной борьбе; оно, наконец, стремится дать как консервативной части самой рабочей массы, так и всевозможным охранителям «интересов порядка и управления» и карманов имущих — факты, на которые они могли бы опереться в своем противодействии боевому настроению. Симпатии правительства всем клубным и кооперативным начинаниям поэтому вполне понятны.

Обе эти стороны современной «внутренней политики» русского правительства — и отрицательная и созидательная — как нельзя лучше отразились на организации «николаевского собрания техников и мастеровых», того самого собрания, которое именуется газетами «рабочим клубом». По недавно утвержденному уставу этого новорожденного клуба, членами его могут быть только «мастеровые и техники», проживающие в г. Николаеве; при чем под «мастеровыми» разумеются, очевидно, не только рабочие, но и фабриканты, ибо, по газетным известиям, «почти все местные фабриканты» записались в члены; а под техниками разумеются между прочими инженерами и директора заводов с женами, ибо на вечера «клуба» они вхожи, а по уставу «гостями» могут быть только лица, имеющие право быть членами. Интеллигент просто, по уставу, не может быть ни членом, ни гостем клуба по той причине, что интеллигент на Руси главный смутьян.

Текущими делами этого приятного собрания ведает «совет старшин» под обязательным председательством фабричного инспектора или его заместителя, а для ввещшего единения клуба с полицией все его должностные лица утверждаются николаевским градоначальником, и затем списки кандидатов в члены за месяц до избрания вывешиваются в особых объявлениях, чтобы шпионы могли собрать о кандидатах надлежащие сведения. Что же касается занятий самого «собрания», то оно может и в шахматы играть, и водку пить, и «полезные» лекции слушать, и маскарады устраивать, и плясать, и литературные вечера организовывать, при чем, конечно, лекции, спектакли и литературные вечера подчиняются всем цензурно-полицейским правилам, а частные беседы — цензуре гг. шпионов. Может собрание и библиотеку иметь; она подчиняется правилам бесплатных народных читален, т. е. будет наполнена душевспасительными и детскими книжками. Разрешается собранию выписка журналов и газет, а руководство г. фабричного инспектора обеспечивает выписку изданий наиболее благонамеренных и патристических.

Не правда ли, в этом «собрании» действительно есть все, что нужно правительству и не нужно рабочим? Фабриканты и инженеры в качестве членов и гостей, а г. фабричный инспектор в качестве царька «клуба» своими заботами о «мастеровых» должны будут внедрять в них сознание, что хозяева и правительство истинные

ниях, Сипягин предлагает губернаторам наводить о нем справки, «независимо данных, имеющих у жандармских управлений и у полиции», также и «от предводителей дворянства, земских начальников и пользующихся авторитетным положением в уездах землевладельцев». Этого, однако, мало. Мало получить о личности чтеца, о его образе мыслей авторитетный отзыв от изблюбленных людей благородного дворянства. Г. Сипягин изобрел отличный способ следить и за ведением самых чтений. Способ этот по своей дешевизне и практичности, по глубокому знакомству с бытовыми условиями провинции изобличает в г. Сипягине недюжинный ум и заслуживает поощрения, по крайней мере, в форме высочайшего рескрипта. Плохо надеясь на способность станowych приставов, жандармов, урядников и шпионов, умственное убожество которых может сравниться, г. Сипягин придумал образовать нечто вроде доброниях, г. Сипягин придумал образовать нечто вроде добровольных шпионских кадров из представителей российского дворянства—дворянско-шпионское ополчение.

Губернаторам предлагается приглашать все тех же «предводителей дворянства, земских начальников и пользующихся авторитетным положением землевладельцев» «присутствовать на чтениях и доводить до сведения губернаторов о необходимости принятия тех или других мер для обеспечения... государственного спокойствия. Знаем мы это «принятие мер»!

Но понимает ли это благородное дворянство? Понимает ли оно, «служилое сословие», на какой подвиг призывает его «исполнитель высочайшей воли» Николай II-го?

О земских начальниках нечего говорить. Промотавшиеся офицеры и дворянские недоросли сделают все, что прикажет начальство, и с таким же легким сердцем станут «принимать меры» «нравственного оздоровления» мужиков путем выслеживания «злонамеренных» лиц из среды народных учителей и прочей сельской интеллигенции, с каким в настоящее время применяют на теле того же мужика позорящее, но не вызывающее краски стыда на лицах их, гнусное наказание. О! Они будут «принимать меры», лишь бы платили им жалованье.

Но что сказать о «предводителях дворянства и пользующихся авторитетным положением землевладельцах»? Насколько совместима с их пресловутой дворянской честью «служба» в рядах шпионов?

Или отдав дворянам Сибирь, г. Сипягин окончательно полонил сердца признательного первенствующего сословия, и нет такой «службы», нет такой гадости, на которую отныне с готовностью не пойдет, «не щадя живота», верное российское дворянство?

Будем ждать, какой ответ на эти вопросы дадут предстоящие в январе 1902 г. очередные дворянские собрания: учредят ли они «в память оказательства нового доверия возлюбленного монарха» дворянские пансионы для специального приготовления своих сыновей к ответственной «службе» в шпионах (по типу курсов для городских генералов Клейгельса), или, вспомнив не о дворянской, а о гражданской чести, вспомнив светлые образы дворян-декабристов, Волконских и Трубецких, дадут достойный ответ зазнавшемуся холопу царственного недоумка!

Замытое дело о шайке воров, состоявшей из попов и полиции.

Проездом через Орел я слышал от людей глубоко религиозных и узко-консервативных, что в этом городе в начале 1901 г. обнаружена шайка воров и разбойников, в которой участвовали представители духовенства и полиции.—Первым делом ее было убийство богатой ростовщицы в Орле и разграбление ее денег и имущества. Самые «тщательные» розыски виновных ничего не обнаружили, кроме клока бороды в руках убитой. Далее последовал ряд дерзких краж в магазинах, преимущественно мануфактурных. Несмотря на дерзость этих краж, полиция ничего «не могла» обнаружить. Наконец, шайка перенесла свою деятельность и за границы города Орла, предприняв убийство недалеко от села Малоархангельска богатых владельцев хутора, — мужа и жены. Шайка не была бы обнаружена, если бы члены ее не обделили в деле добычи возлюбленную одного из участников ее. Обиженная дама, пылая жаждой мести, отправилась к прокурору, минуя полицию, и рассказала ему все, что знала. Про-

радетели о рабочем благе; тот же инспектор, г. градоначальник и шпионы будут оберегать собрание от вторжения смутьянов, лекции, спектакли, журналы, газеты и библиотеки будут снабжать рабочих полезными знаниями, разумными развлечениями и благонамеренным образом мыслей. Мы льстим себя надеждой, что скоро такими клубами, столь полезными для сплочения рабочих с их эксплуататорами, покроется вся Россия, а пока с некоторым нетерпением ждем появления устава минского «клуба» еврейских рабочих столяров, благополучно зреющего под покровительством жандармского управления.

Единение хозяев, мастеров и инженеров с рабочими на «клубной» почве еще не так легко может показаться подозрительным. Но единение рабочих с их эксплуататорами на почве экономических интересов, кажется, окончательно потеряло свой престиж в рабочей среде. Еще в 1899 г. среди петербургских рабочих пробуждалось недовольство потребилками, состоявшими под эгидой фабрикантов и заводчиков.

В недавнее время то же сознание несоответствия интересам рабочего потребилки со смешанным составом членов проявилось и на дебатах московского рабочего парламента (14 собрание). При таком взгляде рабочих на потребилки, взгляде, который легко может быть перенесен и, вероятно, переносится ими на кассы взаимопомощи, правительству нет расчета, бросая рабочим

подачку в виде покровительства «самодеятельности», поощрять общества со смешанным составом. Напротив, ему выгодней создание чисто рабочих обществ, тем более, что русский шпион вездесущ, а такой либерализм со стороны правительства внушит к нему признательность рабочих*. А так как путь «мирного развития», на который вступают рабочие с разрешения и поощрения правительства, ему очень нравится, то «самодеятельность» рабочих достойна в его глазах даже широкой пропаганды. И поистине следует предавать широкой гласности московские прения! На них выливается столько восторгов перед потребилками, клубами, кассами взаимопомощи! На них благодарят даже г. Витте!

Особенно торжественно было 21 собрание московских рабочих. Происходило оно после утверждения властями предержащими устава московского потребительного общества рабочих механического производства. и было посвящено приятным мечтаниям о будущем этого общества. После хвалебной песни новому предприятию, пропетой руководителем собрания, г. Афанасьевым, «один

* Мы не говорим уже о либеральной интеллигенции. В газете «Пермский Край» нам пришлось уже прочитать приветствие администрации по поводу минских рабочих собраний и минских артелей. Приветствовало там именно пробуждение в администрации сознания противоположности интересов хозяев и рабочих. Не помним, принадлежала ли эта заметка самому «Пермскому Краю» или была перепечатана без оговорок.

курор пришел в ужас, когда женщина стала называть самых видных представителей духовенства и полиции вплоть до полицмейстера включительно, заматавшего следы. Ближе всех к делу стояли: священник о. Мих. Козьмодемьянский, занимавший место губернского наблюдателя за церковно-приходскими школами Орловской губернии, с окладом жалования в 3.000 руб. в год, и пристав первой части гор. Орла Филипп Цветаев. При обыске у о. Козьмодемьянского нашли массу краденых вещей. Следствие выяснило, что его жена, вскоре после убийства ростовщицы, ездила в г. Харьков менять банковские билеты, один из которых был окровавлен. Далее, шустрая матушка ходила к своим многочисленным знакомым (жена ректора дух. семинарии, матушка казначея женского монастыря и мн. друг.) и неоднократно предлагала им купить принесенную ею материю, говоря, что ей с одной из московских фабрик прислали брак, который очень дешево продается. Незадолго до обыска о. Козьмодемьянский купил себе дом за 60 тыс. руб., хотя все время жил на широкую ногу. Шайка имела связи с московскими ворами, через которых сбывала краденое.

Местная газета «Орловский Вестник» пыталась было огласить факт, но ей это было запрещено.

В самый разгар следствия к прокурору приехал местный архиерей и просил замять дело, но получил отказ. Говорят, что о. Козьмодемьянский выдал вексель на имя сына архиерея на 25 тыс. руб. Дело все-таки было замято по приказанию свыше, так как уж очень оно было скандально и махало уж очень многих видных представителей администрации и духовенства. Чтобы успокоить взволнованное скандалом общество, жену Козьмодемьянского судили за «покупку» краденого и присудили к штрафу, да Козьмодемьянского перевели в Ставрополь.

К вопросу о легальных обществах. Нам доставлено следующее письмо в редакцию:

«М. Г. Г-н редактор! Позвольте на столбцах вашей уважаемой газеты высказать несколько мыслей по поводу помещенной в № 10 статьи: „Еще о политическом развороте наших дней“.

из рабочих произносит глубоко прочувствованную и безукоризненную со стороны изложения речь, посвященную руководителям бесед и советникам рабочих — людям науки». «Эти командиры в борьбе с невежеством, — говорит он, — повели нас на бой с нашим злейшим врагом — некультурностью и незнанием. Они связали нас в одну братскую семью, в одно дружеское общество. По меткому замечанию одного рабочего, мы — кирпичи, а ученые — строители, которые складывают здание, связывая его, как цементом, своими познаниями и хорошим отношением к нам». Затем все «командиры» были переименованы, и «заслуги их были почтены вставанием, громом рукоплесканий и сердечными пожеланиями». «Поистине, — повествует корреспондент „Русск. Вед.“, — это была трогательная минута. Представители труда горячо и искренно благодарили людей науки, пришедших им на помощь; знание и труд вступили в единение, в тесный союз, отныне, будем надеяться, неразрывный». Да, «поистине трогательно!» Особенно, если помнить, что за этим «союзом знания и труда» кроется союз труда и политического гнета. Ликуйте же, господа, ликуйте! А под шум вашего ликования ваши новые друзья — Зубатовы и Ко, с министрами во главе — будут окружать и вас и ваших братьев сетью шпионства и провокаторства, будут, опираясь на вашу миролюбивую пропаганду и на силу кнута, давить среди ваших братьев всякое проявление истинно свободной мысли и свобод-

«Для нас не подлежит ни малейшему сомнению, что вспомогательные кассы и потребилки находят поддержку в г. Зубатове только потому, что он видит в них прекрасное средство борьбы с нарастающим революционным настроением масс. Если бы Зубатов думал иначе, то, конечно, он им бы не покровительствовал или не был бы тем „умным“ Зубатовым, о высоких специальных дарованиях которого мы так часто слышим. Понятно также и то, что „мирные штопатели дырявых штанов“ мало пригодны для революционного политического движения. Намокшие, прелые и гнилые дрова для костра не годятся. Это ясно.

«Но следует ли из всего этого, что революционная партия (в лице своих членов) должна была бы относиться резко отрицательно к вспомогательным кассам и потребилкам? Нам этого не кажется.

«Итти рука об руку с Охранным Отделением революционеры не могут, но надо подумать и решить вопрос о том, не будет ли такое резко отрицательное отношение к вспомогательным кассам и потребилкам, — именно то отношение, которое для Зубатова самое приятное и выгодное? Не дает ли такое отношение г. Зубатову возможным уверять темную массу рабочих в том, что революционеры против всякого фактического расширения прав рабочих, против всякого фактического улучшения их материального положения! И темная масса рабочих может ему поверить по той простой причине, что она темна. Выгодно ли для революционной партии давать г. Зубатову возможность лишний раз проявить свои специальные дарования?

«Политика г. Зубатова тонка, не спорим, но часто бывает, что, где тонко, там и рвется. Кроме того, все его измышления, хотя и остроумны, но, к счастью, обоюдоостры, — надо лишь суметь найти и воспользоваться этой обратной стороной.

«В данном случае нам кажется, что разумная политика обязывает революционеров не только не отречься перед „мирными штопателями дырявых штанов“ от вспомогательных касс и потребилок, а, напротив того, — обязывает их объяснить этим легальным труженикам, что получили они эти приюты любезной им работы лишь вследствие революционной агитации революционеров. Это во-первых. Во-вторых: зная, что никакая самодетель-

ного чувства, всякий боевой порыв к свободе от гнета буржуазии и правительства, как давили они раньше тюрьмой, ссылкой, пулей, нагайкой. Ликуйте же, господа, ликуйте! Вас не затронут ни пули, ни нагайки! Вы — нищие духом, вы премудрые пискари. На вашей улице праздник: ваша пропаганда идет рука об руку с пропагандой жандармских управлений и охранных отделений. А что ждет вас впереди, какие «трогательные картины» могут предстать перед глазами наблюдателя, можно видеть хотя бы из примера ваших почтенных сотрудников по части «самодетельности» — членов харьковской рабочей кассы взаимопомощи, удостоивших выбором в почетные члены харьковского губернатора.

Впрочем, и теперь можно поздравить вас с вступлением одного из ваших руководителей на этот путь признательности перед правительством. «Большое спасибо, — говорил ваш ученый «строитель», г. Озеров³, на вашем 13 заседании, — большое спасибо винной монополии, что она положила в основу борьбы с алкоголизмом устройство чайных, имеющих характер клубов», и спасибо это мотивировалось именно тем, что министр финансов сознало потребность рабочих в клубах и милостиво пошло ей навстречу*. Г. Озеров старается

* Это спасибо г. Озерова как нельзя более подходит к духу того либерального журнала, в котором он сотрудничает, — «Русской Мысли». В августовской книжке этого органа редакция публично благодарит правительство за снятие

ность, при нынешнем политическом строе, на практике невозможна, мы убеждены в том, что дело с „вспомогательными кассами и потребилками“ может идти гладко лишь до тех пор, пока обо всем этом только разговоры разговаривают. С того же момента, когда „самодеятельность“ начнет проявляться не на одних словах, а захочет проявиться и в делах, то силой обстоятельств должны появиться такие вопросы и такие положения, при которых станет ясным даже и для „мирных штопателей дырявых штанов“, что делать им, под правительственной опекой, — нечего. Да и в самом деле: не вечно же они будут свои дырявые штаны только штопать! Настанет время, когда штаны эти будут заштопаны, и „мирные труженики“ захотят их надеть. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что такое превращение „мальчика без штанов“ в „мальчика в штанах“ никакого сочувствия в г. Зубатове не встретит и произведет разрыв между друзьями.

«Безусловное отрицание касс и потребилок выгодно для Зубатова, а потому делать этого не следует. Разумная, боевая тактика требует сбережения сил, а потому она не позволяет пользоваться всяким учреждением противника, как будто сами революционеры вызвали его к бытию, и направить это новое орудие врага против него же.

«Г. Зубатову хочется из касс и потребилок сделать „усыпальницы“, куда он предполагает загнать и окончательно усыпить в них тех рабочих, которые высказывали поползновение проснуться.

«Г. Зубатов из касс и потребилок предполагает делать „гробы“, в которых думает похоронить то революционное брожение, которое существует среди рабочих.

«Надо внести в эти „гробы“ жизнь. Надо заставить их, под напором жизненных, практических вопросов и дел, разлететься в пух и прах, и если бы это удалось сделать, то несомненно, что „умный“ г. Зубатов остался бы в дураках.

Доброжелатель».

Автор письма ошибается, думая, что мы относимся с «безусловным отрицанием» к кассам и потребилкам вообще. Это не так. Во всех наших статьях по данному вопросу резкость отрицания была обусло-

влена именно тем, что Зубатов уже внес яд политического разврата в определенные легальные общества в Москве. Это с одной стороны. А с другой стороны, и «буржуазная наука» уже внесла яд своих примирительных «гармонических» учений в легальные лекции. «Безусловность» нашего отрицания относилась к этому двоякому яду и только к нему (в том числе, разумеется, и к ошибкам тех «новейших социалистов», которые активно проповедуют свое: «верую в мощь вспомогательных касс»). Зубатовские общества не только гробы для будущих мертвецов, а также и ловушки для живых людей. И мы обязаны предостерегать рабочих, чтобы они не попадали в ловушки.

Если Зубатов скажет рабочим, что революционеры против всякого фактического улучшения их быта, — то мы будем опровергать Зубатова. Мы скажем (и говорим уже) рабочим, что мы вовсе не против касс и потребилок вообще (см. брошюру о потребительных обществах, изданную в Женеве), а только против всякого полицейского влияния на кассы или посредством касс, против всякого развращения рабочих.

«Надо внести в гробы жизнь», — пишет автор. Нет, это не наше дело, не дело революционеров. Наше дело — укладывать в гробы врагов пролетариата, проповедывать и готовить такую «укладку». А оживлением гробов пусть занимаются легальные деятели, мирные штопатели штанов. И мы вовсе не отрицаем безусловно пользы от их работы. Ничуть не бывало. Мы знаем, что в России имеются полезные и честные легальные общества. Мы не сомневаемся нисколько, что, если правительство, действительно, предоставит рабочим хоть крошечку самостоятельности, т. е. возможности действовать самими, а не по указке Зубатовых, — то это неминуемо поведет к новому столкновению еще более широких рабочих масс с правительством, к «разрыву между друзьями». Умный Зубатов, несомненно, в конце концов останется в дураках. Но именно для того, чтобы приблизить этот «конец концов», мы и должны разоблачать Зубатова, подталкивая его тем самым на предоставление рабочим хоть маленькой, но настоящей самостоятельности. Своей непримиримой борьбой с ядовитыми ростками зубатовской проповеди, буржуазной науки и «экономической» близорукости мы как раз и

уверить вас, что г. Витте спит и во сне видит, как бы угодить рабочим, и вас не смущали эти похвалы по адресу государственного плута, вы покрыли речь г. Озерова рукоплесканиями... «Большое спасибо» г. Озерова заслужено г. Витте, очевидно, созданием попечительства о народной трезвости. Эти попечительства, как известно, радеют о народном просвещении, о предоставлении рабочему люду приятных увлечений и возможности насквозь пропитаться вернопопзданным духом. Вот хотя бы московское попечительство. Оно выстроило в Москве «народный дом» со всякими прелестями: читальней, аудиторией и строго трезвенным буфетом. В Харьковской губ. попечительства тоже хлопочут об устройстве «народных домов», и в Волчанском уезде один уже открыт. В прочих местах Российской империи попечительства тоже открывают и будут открывать повсюду, рядом с царскими кабаками, чайные, читальни, библиотеки, «народные чтения». И везде будут они своими книжками, лекциями и туманными картинками затуманивать сознание трудящихся, учить их терпению, посту и молитве, покорности и благодарности начальству. Мин. финансов предполагает отпустить для этой цели попечительствам «особые средства», а так как

с журнала предостережения. Эта благодарность преподносится мин. внут. дел после мартовской и майских боен, произносится над свежим трупом «Жизни!» Как мало нужно иному либералу, чтобы он сподличал...

нынешний каталог книг, разрешенных для бесплатных чтален, очевидно, не удовлетворяет потребностям нужного правительству «просвещения», то, с одной стороны, предполагается расширить этот каталог, а с другой — тот же г. Витте «в случае надобности» хочет издать серию народных книг для своих попечительных клубов. То-то будут книжечки! Надо полагать, наиболее ценные из этих будущих произведений столоначальников департамента полиции будут, по примеру недавнего прошлого, «рекомендованы» для обязательного распространения среди рабочих фабрик и заводов. Ну, г. Озеров, расшаркивайтесь! А мы заметим вот что: деятельность попечительств и издательский проект Витте подчеркивают другую сторону созидательной части правительственной политики: правительство, ради большего успеха искоренения смуты, берет в свои руки устную и литературную пропаганду духа «смирномудрия, терпения и любви» к рабству.

очищаем почву для прорастания тех полезных семян, которые удастся изредка бросить и в русскую землю честным «мирным труженикам».

С Урала. 10 ноября 1901 г. в Горнозаводском отделении Красноуфимского промышленного училища при Пермском реальном училище было вывешено «Извлечение из новых правил для средних технических училищ».

Правила эти совершенно стесняли свободу горняков, приравнивая их к малолетним школьникам.

10-го же числа вечером у горняков состоялась сходка, на которой первым вопросом был: «Все ли присутствующие возмущены узостью тех рамок, в которые эти правила ставят всю нашу жизнь, весь наш общественный строй, все наши благие молодые начинания?» Ответ, конечно, получился утвердительный, и все единодушно решили заявить свой протест против этих правил, как против гнусного насилия над свободой личности и поругания человеческого достоинства.

В понедельник 12 ноября, в 9 час. утра, горняки потребовали к себе директора и заявили, что подчиняться им, новым правилам, не будут, а потому требуют их отмены.

Как и следовало ожидать, со стороны директора были возражения, и из них выяснилось, что эти правила утверждены для 8-классных (нового типа) технических училищ, значит, горняки в праве требовать их отмены. Конечным ответом г. директора был тот, что он донесет об этом требовании и вообще о данном событии в округ. После этого объяснения горняки порешили не посещать занятий впредь до благоприятного исхода, т. е. до оставления старого порядка академической жизни.

Попытка начальства оказать давление на родителей угрозой увольнения не имела успеха. 24 ноября приехал окружной инспектор, получил от учащихся протест за подписью всех их и имел с ними личное объяснение.

Дружной борьбой и стойкостью горняки добились того, что вывешенные правила были убраны и применяться к ним не будут до тех пор, пока не придет окончательное решение этого вопроса из высших сфер, перед которыми взял на себя ходатайствовать окружной инспектор.

Насколько учащиеся были солидарны между собою, видно еще и из того, что дали друг другу письменное обещание, скрепленное их подписями, что, если получится в будущем неблагоприятный ответ, то так же дружно они будут продолжать забастовку и добиваться окончательной отмены этих наглых правил.

Кишинев. В начале декабря у нас забастовало училище виноделия. Ученики этого училища направили свой протест, главным образом, против учителя истории. Наше время вообще очень богато «течениями» различного качества. В педагогической сфере, напр., заметно, так сказать, полицейское течение. Преподаватель истории у виноделов, очевидно, один из поборников этого течения. Учитель завел шпионов среди учеников. Вот это-то особенно и возмущало последних. Протест решено было выразить в виде отказа отвечать этому благородному наставнику. Свое решение ученики привели в исполнение; за сим, само собою разумеется, последовали «меры пресечения». Явился директор, ученики уволены и высланы (за исключением небольшого количества своекоштных, которым разрешено остаться на жительство в окраинах города).

Крамора в Череповце (Новгородской г.). На имя семинаристов 3-го класса было послано (пока неизвестно, кем) письмо (содержание его тоже неизвестно). Письмо, как имеющее необыкновенный адрес, было вручено директору семинарии. Узнав от почтальона о принятии директором этого письма, семинаристы 3-го класса выбирают из своей среды четырех депутатов, как учил их де-

лать сам директор, когда им нужно было с ним говорить, и отправили к директору просить выдачи адресованного на их имя письма. Директор категорически ответил, что такого письма нет. На следующий день отправляется новая депутация уже в сопровождении почтальона, приносившего письмо. Уличенный в обмане, директор должен был сознаться, что письмо у него есть, но все же его не отдал. После того, как директор уклонился от приема третьей депутации, семинаристы 3-го класса 12 сентября утром принесли в класс книги, а сами ушли с занятий домой. Перепуганное начальство приглашает их в семинарию, рассаживает поодиночке и отбирает от каждого подписку, требующую беспрекословного исполнения всех требований начальства. Двое не дали такой подписки, полагая, что и остальные тоже так поступили, а двое других подписались с оговоркой, прочие же все исполнили требование. Первых четырех исключили на следующий же день, остальных же лишили стипендии за настойчивое требование у директора письма.

Накануне «беспорядков», т. е. 11 сентября, на Верхней ул. произошел пожар, вызвавший полицейский осмотр труб. И вот в трубе бани Полозова на Верхней ул. нашли запрятанную туда библиотеку семинаристов, в которой было не мало нелегальных книг, в том числе экз. гектографированного журнала семинаристов «Слово». Эта находка послужила поводом для целого ряда обысков. Первым обыскан семинарист Иванов, обвинявшийся в завладении библиотекой. Оправдываясь от обвинений, Иванов запутал многих семинаристов и даже учителей. Дальнейшие обыски еще более расширили «дело», и теперь под подозрением состоит, как слышно, 35 (!) учителей. Корреспонденция, адресуемая на имя этих учителей, перехватывается. Обысканы учителя Виноградов и Капустин (у последнего, кажется, что-то нашли). Его обвиняют в издании «Слова», и он, хотя и на свободе, но, вероятно, сильно пострадает. Вот все, что известно о наших событиях, но это только начало!

Кострома. Травля поднадзорных. Если наша полиция и жандармерия и не отличается умением в искоренении крамолы, зато энергии у нее не занимать. За последнее время то и дело судят поднадзорных. Рабочего Белова привлекли «за нарушение тишины и порядка», хотя никакого нарушения в его поступке не было (оправдан). Высланный сюда петербургский рабочий Кулаков был привлечен жандармами к суду за богохульство (7 дней ареста). Наконец, малолетнего сына бывш. петербургского рабочего Буянова обвинили в краже. Мальчика защищал отец, сказавший: «Тут все дело в политической неблагонадежности; если ты неблагонадежен, то мы твоего сына в тюрьму упечем». Суд оправдал мальчика. Наконец, был привлечен к суду бывший студент лесного института Н. П. Богданов за дерзость, сказанную помощнику пристава. Несмотря на все усердие полиции и прокурора, удалось присудить Богданова только к десяти рублям штрафа. Не любят господа театральные антрепенеры, когда их в газетах не по шерсти гладят, и всякими способами борются против этого: тот своим судом чинит кулачную расправу над чересчур строгим рецензентом, этот во всеуслышание заявляет, что он отказывается печатать объявления о спектаклях в непокладистой газете. Более утонченный способ борьбы придумал костромской антрепенер. Воспользовавшись тем, что автор не понравившейся ему рецензии в местной газете — лицо поднадзорное, он прибег к содействию властей держащих. И вот рецензент был приглашен в полицию, и там ему от имени жандармского управления было воспрещено дальнейшее сотрудничество в газете. Чтобы придать этому запрещению вид законного, была сделана ссылка на 24 ст. Полож. о политических поднадзорных, воспрещающую поднадзорным содержание типографий, литографий, фотографий, библиотек для чтения и службу при них в качестве приказчиков, конторщиков, смотрителей и рабочих.

(Жаль, что не сообщено также имя этого антрепенера-«добровольца». Ред.).

Один из многих. (Некролог.) Генерал, инженер путей сообщения, начальник закавказских жел. дорог, г. Веденев, умер от пули в легких в январе 1902 г. Он замечателен тем, что всегда был ярким противником рабочего движения и одним из умных бичей социал-демократии на Кавказе. В 1898 г. его распоряжение, лишившее рабочих исконных прав на бесплатные (разовые) билеты и т. п., вызвало грандиозную стачку, в которой рабочие одержали победу. После этого министерство думало изъять Веденева из обращения на закавказских железных дорогах, но его связи в Питере принудили министерство забыть про него. После стачки 1900 г. в августе Веденев лично ревизовал библиотеку для рабочих при мастерских ж. д. и, найдя добрую половину книг ненужной для рабочих, особым циркуляром велел ее сжечь, затем опять по циркуляру правление библиотеки было распущено, и он сам назначил новый комитет из лиц благонадежных, навсегда лишив рабочих права выбора правления и возможности самим заботиться о своей библиотеке. Теперь эта библиотека, лишенная читателей-рабочих, еле-еле влачит свое существование.

Попечения Веденева делались с каждым днем все нахальнее. Мало-мальски в чем-либо замеченные рабочие и те, которым приходилось сидеть в тюрьмах, после оправдания увольнялись из мастерских. Веденевым, совместно с жандармерией, было постановлено: с 1901 г. вести всем рабочим, просидевшим хоть неделю в тюрьме, особые списки, которые рассылаются по всем частным заводам со строгим наказом при приеме рабочих руководствоваться этими списками, при чем и частным заводчикам ставится в обязанность вести такие же тетрадки, которыми они ежемесячно обмениваются между собою для руководства. На этот наказ выхлопотали подпись Главноначальствующего краем, при чем нарушившие сие повеление подвергались денежным взысканиям. Затем он выпустил циркуляр к начальнику мастерских и смотрителю бюро, в котором строго-настрого повелевалось начальникам — направить течение Куры обратно с востока на запад (как они сами выражались), т. е. сократить число рабочих грузин и армян и на место их принимать татар и персиян, как более покорных, воздерживаться от приема русских рабочих, но в крайнем случае русских предпочитать армянам и грузинам; детей грузин и армян не принимать в качестве учеников в мастерские, а по мере возможности вербовать их из татар и персиян, из депо мастерских слесарей грузин и армян уволить и вакантные места замещать рабочими других национальностей. Несчастные начальники этим распоряжением были поставлены между двух огней — уволить грузин и армян, которых заменить нельзя, за неимением татар и персиян, значило приостановить работу в мастерских и в депо; с другой стороны, их мучило — как же ответить увлекающемуся репрессиями Веденеву? — сейчас же последует его гнев; хорошо, если все это кончится одним выговором. После двухнедельных таких колебаний несчастные холопы доложили «Бабе-Яге»*, что последний циркуляр от пункта до пункта невыполним. Вот к каким мерам прибегал Веденев для искоренения крамолы среди рабочих. Верный всегда своей задаче, Веденев в августовской стачке 1900 г. ни за что не уступал, предпочитая громадные убытки (в день триста тысяч руб.), какие дорога несла по поводу стачки. Вызванному им саперному батальону платилось за работу в мастерских вдвое больше обыкновенной платы рабочего. В дни управления Веденева дорога выгоняла большую экономию на счет мелких служащих и рабочих. Машинисты, зарабатывавшие до него в месяц 170—190 руб., стали выгонять едва 100 руб., помощники, вместо 60—70 руб. — по 40—45 руб., а о кочегарах и говорив нечего. Премия за смазку и топливо вначале выдавал в 6—8 месяцев раз, а потом раза два отказал в виду убытков, понесенных дорогой, а потом и вовсе перестал ее выдавать. Вместе с тем, Веденев был верный служака, умел работать **: казна была довольна, и его карман вечно полон.

* Так здесь называли Веденева.

** Во время ревизии, назначенной в 1898 г., воровство Веденева было обнаружено до такой степени, что он стал притчей во языцех во всем Тифлисе.

Кто бы ни был неизвестный убийца, — сознательный ли рабочий, или вышвырнутый им из управления дороги припущенный чиновник, — он верно подхватил настроение рабочих — и тысячи уст матерей, жен и сестер рабочих, оставшихся без заработка, будут благословлять стрелка и меткую пулю.

Тифлисский рабочий.

В № 8 нашей газеты мы поместили сообщение о столкновении ссыльного Гуревича с врачом Марчевским (в Енисейском уезде). По этому поводу мы получили следующее письмо:

«В № 8 № „Искры“ имевший место в Енисейской губ. случай с негодяем врачом Марчевским передан неточно. Когда больной, с приставом и „понятыми“ в сопровождении товарища Даргольца, приглашенного приставом для снятия допроса, пришли в больницу, то, когда этот врач поднял руку на больного, Г. Дарголец дал ему пощечину, за что М. привлекает его к ответственности по 285 ст. Улож. о нак., как за оскорбление действием чиновника при исполнении им своих обязанностей. Чиновником врач считается, как состоящий на государственной службе. Теперь тов. Д. грозит наказание, как гласит эта глава — от 8 мес. до 2½ лет тюремного заключения. Конечно, есть смягчающие вину обстоятельства, как защита больного товарища, но еще вопрос, как отнесется суд. Дарголец еще привлекается тем же врачом за клевету в печати, потому что Дарголец обо всем случившемся написал в „Сибирской Жизни“. — Вообще теперь за Уралом сильно обострены отношения между ссыльными и администрацией. Чаша переполнена, и терпение у многих лопается. Недавно одного товарища „за дерзкое обращение“ с администрацией (он выгнал сотского после того, как тот ему успел порядком надоесть) выслали к чорту на кулички, где 10 домов и 35 чел. населения, а почта, конечно, никогда не приходит».

О той же истории другой товарищ пишет:

«Гуревич жаловался прокурору Красноярского окружного суда; прокурор ответил, что на основании 1085 ст. Устава угол. суд. жалоба Гуревича передана губернатору. Марчевский в объяснении, отосланном губернатору, сделал донос на своего предшественника: тот-де находился под влиянием административных „жидков“ и избаловал их, выдавая беспрепятственно медицинские свидетельства о мнимых болезнях. Когда он (Марчевский) стал относиться „добросовестно“ к своим обязанностям, то его стали всячески травить, и, наконец, побили при исполнении служебных обязанностей».

«Второй донос Марчевский сделал на политического ссыльного в Пинчуге Зива (студ. мед. из Одесск. ун-в.), который будто бы занимается недозволенной медицинской практикой».

«Когда в Богучанах заболел полит. ссыльный Левин, то по необходимости обратились к Марчевскому. Тот стал ругаться и отказался идти. Пришлось вызвать его через станового. На больного, бывшего в состоянии близком к обмороку, он тоже кричал».

«Наконец, последовала генерал-губернаторская резолюция. Все богучанцы, кроме Левина и Рачковского, были расселены по притокам Ангары в деревушках, верстах в 100—150 от Богучан, куда нет тележного пути, и почта поэтому ходит редко и неаккуратно: Дарголец в дер. Бедобу, Нудельмана (сильнейшее нервное расстройство) в Петропавловское на Чуне, Гуревич в Петропавловское на Муре, а Светицкого (с больной женой и двумя детьми), не принимавшего абсолютно никакого участия, в Чернявское на Муре, Корнюхов выслан за границу Кежемской волости».

«Поведение Марчевского рассматривалось красноярским общ. врачей. Донос на предшественника нашли несовместимым с достоинством не только врача, но и всякого порядочного человека. По поводу богучанской истории предложили ему привлечь автора корреспонденции в „Сиб. Жизни“ к суду за клевету».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

О петербургской рабочей организации. Как пишут из Петербурга, к началу минувшего года число членов местной рабочей организации доходило до 300. Массовыми арестами и высылками в первой половине 1901 г. полиции не удалось вырвать с корнем молодое, но живучее дерево. Система провокаторства применялась широко. В конце 1900 г. образовал свой кружок и предложил свою квартиру для собраний провокатор Андронов, ткач от Максвелла (чел. семейный, лет 35—40, среднего роста, брюнет, он нанимал собственных рабочих-портных). Ему не удалось проникнуть на собрание представителей кружка Невского района, а потому вред, причиненный им организации, не был слишком большой. Это удалось провокаторам на Выборгской стороне и на Путиловском заводе. Им удалось присутствовать на празднике, устроенном рабочими Навского района при встрече нового 1901 г., и вред, причиненный ими, был очень значителен.

Рабочие слишком стремительно расширяют свою организацию; они при этом недостаточно строго соблюдают тот пункт устава организации, который требует, чтобы в собраниях представителей вновь избранные рабочими члены допускались тогда, когда они сумеют вполне доказать свою искреннюю преданность делу рабочих и достаточную степень конспиративности. Обращаем на это внимание петербургских товарищей. В нашем деле должно исчезнуть русское «авось»; каждый шаг вперед должен быть смелым, но глубоко обдуманным. Одна маленькая ошибка может погубить целый ряд товарищей, может сделать много вреда всему делу.

Орехово-Зуево.

Насколько наши хозяева Морозовы особенно боятся всякого протестующего элемента среди рабочих, можно будет видеть из нижеследующего.

Часто бывает, что какой-либо рабочий, ищущий места, является к фабрике с желанием получить работу, но это не всегда удается, если даже требуется на работу именно такой рабочий, каким является ищущий места. Посмотрит его паспорт один прохвост мастер, посмотрит другой прохвост, и возвращают обратно с неизменным «не нужно». Иной рабочий замечает, что это не просто, а есть какая-то чертовщина, но какая? Ведь вот же он видит который раз, как принимают людей после него пришедших или только что предложивших свои услуги. Ходит, ходит так он к фабрике, пока не убедится, что это бесполезно, и свалит всю неудачу на свою якобы непонравившуюся физиономию. И он прав. Русский рабочий обязан иметь две физиономии: т. е. одну естественную, которой его наделила родительница или вообще природа, а другую полицейскую в интересах ограждения разного беззакония. Это — паспорт, и потому в Орехове обращают главное внимание на физиономию полицейского характера и, если эта физиономия совершенно чиста, тогда есть шансы на поступление. Но беда, если на паспорте окажется штамп Петербурга, Москвы или другого большого города. Напрасно бедняга, владелец такого паспорта, будет просить работы, просить о принятии его на фабрику, не удастся ему поступить по той причине, что в Морозовские фабрики не принимают рабочих из столиц или тех городов, где существует рабочее движение. А где оно теперь не все темная деревня, и много есть товарищей, у которых голова не совсем забита поповской околесиной и назаровским фарисейством. И все же администрация отдает предпочтенье синим портам, только что явившимся из деревни для скудных заработков. Потому мы советуем товарищам, приезжающим из столиц для поступления, брать чистый пас-

порт и не признаваться в том тяжелом преступлении (с точки зрения Морозовых), что работали в местах, где существует рабочее движение.

На Морозовской фабр. существует книга «порочных», и это не просто так себе, а на самом деле фундаментально поставлено, как будто в департаменте полиции, и если раз попал в нее, то пиши пропало, — поступить на фабрику больше не удастся; если попал под следствие в государственном преступлении и обвинен, то тоже в Орехово ездить незачем, ибо министерство внутренних дел ежемесячно присылает исписанные листы с сотнями лиц, осужденных за стачки и др. государственные преступления, на имя здешнего пристава и уже от последнего поступают в контору с пометкой «секретно» и вносятся в книгу «порочных». Подумаешь, какие «порочные» люди эти рабочие, если они вздумали повысить свою заработную плату или не согласились на понижение расценок. Мало этого, мин-во считает своим долгом сообщить об осужденных в Сибирь на разные сроки. Тут уже список пестрит: художник, доктор, учительницы, студент и т. п., выслать туда-то — в Забайкалье, на столько лет и по распоряжению Е. В. П. М. В. Д. житьельство во Владимирской губернии воспрещено, «на фабрику не принимать».

Какие же пороки фабричная администрация находит за своими рабочими? И какая для них корысть из всего этого? Случаев для этого не занимать: получил рабочий грошевое единовременное пособие за какое-либо увечье — туда его, т. е. в книгу порочных; доработался рабочий на фабрике до неспособности к труду — туда его; назвала рабочего администрация неблагонадежным — туда его; за предосудительное поведение — туда его; за подпояску шнурка (если на фабрике рабочий подпоясается хозяйским шнурком) — туда его, и многое другое, ему же нет конца.

Очевидно, мало и этого оказалось, и для дополнения беззакония устроили постоянную «комиссию», нечто вроде тайного судилища; в него вошли фабр. механики и техники под председательством известного читателям эскулапа Базилевича. Эта комиссия признала нужным записывать всякий грешок (вольный и невольный) рабочего, дабы при всяком случае можно было навести справки обо всяком рабочем, как он себя вел в течение тех лет, которые проработал на фабрике. Для большей наглядности приводим справку, которая показывает, насколько отвратительна та тина, которая обвилась вокруг нас, орехово-зуевских рабочих.

П о д л и н н и к.

Справка о живущем на фабрике Т-ва Никольской М-ры.

Имя	Иван.
Отчество	Васильев.
Фамилия	Смирнов.
Губернии	Тульской.
Уезда	Веневского.
Волости	Узуновской.
Деревни	Глубокой.
Лета	56.
Сколько лет раб. на фаб.	23.
Увечье	Имеет.
Должность	Рабочий при под'емной машине.
Где раб.	На Б. Ф.

Сведения кварт. отдела:

1) На его боченке с квасом загорелась тряпка. Штр. 1 р.

2) Пьяный на коридоре громко говорил, что старшие все подлецы и грабители. Обходные просили замолчать, но он не слушался, за что взят в сторожку. Штр. 2 р.

Сведения фабрики:

1) За поздний выход на работу 50 к.

За поздний выход 50 к.

За грубость мастеру штр. 1 р.

Оделся за 5 минут до окончания 50 к.

За непослушание 40 к.

3) На улице пел громко песни, за непослушание посадили в сторожку, о чем доложено заведывающему хоз. частью.

Пометка Г. Егорова.

За непослушание выселить на вольную квартиру.

Подписано Е. Егоров.

Просит вознаграждения за увечье (помет. квар. от-дела).

(Аттестация либерала заведующего фабрикой):

Человек неблагонадежный, грубиян, работник так себе. Просимого не заслуживает. Подписано: Александр Федотов.

Замечания больницы об увечьях:

1) Как передано с фабрики, он находился в нетрезвом виде, по своей неосторожности попал в кожаный блок, при чем ему отрезало два пальца правой руки и помяло конец 3-го. Особых увечий не было. Подписано: врач Базилевич.

2) При разборке ящиков по своей неосторожности получил ушиб в спину. Находился на излечении в больнице 28 дней.

Подписано: врач Базилевич.

Резолюция Саввы Морозова:

Дать 50 руб. на дорогу. На фабрику вновь не принимать.

Подписано: С. Морозов.

Вот и конец этой грустной истории: ломал, ломал человек свою жизнь, изувечился, и ни одного доброго слова, потерял свою жизнь, оставил пальцы Морозову, и за все это 50 р. на дорогу, дабы не вздумал вести дело судебным порядком.

Рабочий.

Ст. Брянск. (М.-К.-В. ж. д.). В половине октября начальник 5-го участка службы пути г. Виницкий (к слову сказать, скот, каких мало) сбавил поденным рабочим, получающим и без того не бог весть сколько, — 50 коп. в день, — по 5 коп. Рабочие, в числе 40 человек, решили забастовать. 17 октября рабочие с утра на работу не пошли, а когда смотритель здания и кладовщик пришли и стали их звать на работу, то рабочие сказали, что на работу не пойдут до тех пор, пока им не прибавят жалованье. До обеда больше их не тревожили. Рабочие после обеда собрались возле конторы 5-го участка и, вызвав г. Виницкого, повторили свое требование о прибавке. Виницкий отказал. Тогда рабочие потребовали расчет и проездные билеты. — Не знаю, что побудило г. Виницкого: спешка ли (ожидался проезд комиссии) или боязнь за целостность своей шкуры, но только г. Виницкий уступил, прибавив по 10 коп. в день, так что теперь рабочие получают 55 коп., вместо прежних 50 коп.

Из Брянского завода (Орловской губ.). Нельзя не отметить халатного отношения нашей заводской администрации к своим обязанностям, благодаря чему у нас чуть ли не каждый день несчастные случаи с человеческими жертвами. Вот некоторые из них:

1) 26 октября в мостовом корпусе во время обеденного перерыва, упершись в приводной вал (так как он был на расстоянии $\frac{3}{4}$ арш. от стены), плотник Влас Балабин, 21 года, прорубал стену. Увлечшись работой, он и не заметил как прошло обеденное время. Машинист, не давши сигнального свистка (которого, вопреки уставу промышленности об уходе за паровыми машинами, уже несколько лет не было), пустил машину в ход. Балабина накрутило на вал и начало бить о стену и о железные кронштейны. Он лишился обеих ног. Администрация, желая избавить

себя от ответственности, распорядилась о постановке свистка, который к вечеру и был поставлен.

2) 3 дек. в чугуно-литейном цехе при отливке ложниц прорвавшаяся расплавленная масса облила двух литейщиков, из которых один умер через сутки, а другой, хотя и остался жив, но раньше полугода не вылечится. Как этот случай, так и ряд других являются последствием чрезвычайной скупости нашей заводской администрации. Таким образом, благодаря тому, что начальство не хочет делать расходов для того, чтобы орудия производства были в исправности, нам, рабочим, приходится платить за это своею жизнью.

3) Многие из заводских зданий пришли в ветхость и грозят обрушиться. 11 ноября одно из таких разлезающихся по всем швам зданий обрушилось при следующих обстоятельствах: здание это, несмотря на то, что и стены и крыша его железные, сильно обветшало, стены расползались в разные стороны, и их только и удерживали толстые железные пруты, да железные балки, стягивающие стены. В этот день директор и приемщик должны были принимать железные листы. Листы эти надо перевозить через это зловещее здание, но железные связи и балки препятствовали проходу подъемного парового крана. Тогда одно из начальствующих лиц, П. Е. Маркин, велел перерубить связи, а также прорубить в балках места для прохода крана. Лишившись последней своей опоры, здание обрушилось, похоронив в своих развалинах 7 человек.

Час. к 8 веч. пострадавшие были отысканы; из них четверо убиты наповал, трое раненых, из них Филипп Бабков тяжело: у него переломлены обе ноги и пробита в нескольких местах голова. Бабков женат, имеет двоих детей.

Брянский рабочий.

Наши потребительные общества. В обществе потребителей при Коломенском машиностроительном заводе (Московский губ.) обнаружены большие хищения и злоупотребления администрации. На днях в лавке найдена масса протухшей солонины и ветчины, как говорят, до 1.000 пуд. Разбор дела показал, что это мясо закупил уже испорченным бухгалтер лавки, — человек наемный от потреб. общества. Члены правления лавки инженеры Коломенского завода, Отцке, Афанасьев и другие, принудили ревизионную комиссию, состоящую из мастеровых и мелких служащих, принять это мясо. Залежи тухлого мяса были опечатаны полицией по заявлению рабочего, состоящего при лавке, — он не в состоянии был продолжать перетаскивать тухлое мясо из подвалов на возы для отправки его коломенскому купцу. Была отправлена депутация от рабочих к администрации завода с заявлением о желании созвать экстренное собрание потребителей. Инженер Отцке уверял, что собрание излишне, он обещал покрыть убытки лавки надбавкой 5 коп. на пуд муки и выдать в конце года те же 10% дивиденда; при чем усиленно настаивал на том, что, смещая его из членов правления, они этим ничего не выиграют, так как не получат никакого дивиденда; он просил, чтобы «не марали его чести». Вызванный директор-хозяин стал на сторону инженеров, назвал депутатов «бунтовщиками», осмеливающимися его беспокоить из-за каких-то пустяков.

По заводу в настоящее время ходят опросные листы: желают рабочие собрания потребителей или нет? На голосование оказывают сильное влияние мастера. Администрация постарается обставить дело так, чтобы его провалить.

Нижний-Новгород. В ночь на 21 декабря по всему городу были расклеены и разбросаны прокламации по поводу усиленной охраны. Они читались многими и вызвали великое смятение среди полиции. В ночь на 22 декабря были распространены прокламации Нижегородского Комитета на фабриках и заводах по тому же поводу. Теперь каждую ночь разезжают по улицам усиленные конные патрули.

Вам писали уже о прокламациях на Добровском зав. (одна прокламация) и на Калашкинском (три прокламации). На Сормовских заводах были выпущены в октябре и ноябре две прокламации, одна к рессорщикам, другая к кузнецам. Дело в том, что в Сормове систематически, хотя незаметно и постепенно, понижают расценки. Когда понизили расценки рессорщикам, они, почти все, бросили работу. На их место поставили кузнецов и выписали рабочих из Москвы. Им же предложили расчет. Некоторые опять встали на работу, но многие ушли с завода. В ноябре понизили расценки кузнецам. Они ходили к фабричному инспектору, тот обещал вступить, но, конечно, ничего из этого не вышло. Наконец, недавно понизили расценки в медно-литейной. По этому поводу была выпущена прокламация ко всем сормовским рабочим в довольно большом количестве. Она была всюду распространена, даже наклеена во многих местах, и вызвала много разговоров. В местах, где были наклеены листки, собирались толпы народа и читали их. Начали ходить слухи, что будет «бунт». На администрацию они тоже произвели впечатление. Для предупреждения и устранения беспорядков заблаговременно были посланы в Сормово войска, хотя никаких беспорядков там не было. Они устроили маневры перед заводом, постреляли в цель и потом возвратились назад. По этому поводу Комитет обратился с письмом «Ко всем офицерам Н.-Новгорода». Кроме этих изданий, Комитет выпустил «Нижегородскую Раб. Газету».

Кроме Комитета, здесь образовалась еще одна социал-демократическая группа, которая выпустила № 1 «Раб. Летуч. Листка», и еще одна революционная группа без названия, которая издала листки: «К народу», «К крестьянам», «О Добролюбове» и «Об усиленной охране».

Правила об усиленной охране, расклеенные на столбах, всюду вызывают разговоры—рабочие очень озлоблены. о них идет разговор даже среди пригородных крестьян, приезжающих в Нижний в базарные дни. «Скоро восстание будет, плохо живет народ», раз'ясняют им их «политики».

О р е н б у р г. Постройка Оренб.-Ташкентской ж. д., начавшаяся этим летом, вызвала массу «недоразумений» между подрядчиками и рабочими. Рабочих обирали самым беззастенчивым образом. Не говоря уже о том, что условия работы очень неудовлетворительны, система штрафов, ничем не сдерживаемая*, практиковалась в самых широких размерах, рабочих просто обманывали при расчетах. Управление жел. дор. передало постройку подрядчику, тот в свою очередь передал другим подрядчикам и т. д., так что рабочие получали часто работу из третьих, даже четвертых рук. Обеспечение в уплате денег с подрядчиков не бралось, и вот при расчетах поздней осенью почти по всей линии подрядчики не доплатили рабочим денег. «У нас нет, — нам самим тоже не заплатили». Начались судбища (для чего нужны средства—платить пошлины, адвокатам и т. д.), но и выиграв дело, рабочие не могли получить своих заработанных грошей. Подрядчик объявлял себя несостоятельным или начинал новое дело с другим подрядчиком. В то же время подрядчики предлагают рабочим идти на мировую — вместо рубля получить 60—80 к., и рабочие шли на эту сделку: не на что было жить, наступала к тому же зима. Большинство рабочих — крестьяне из голодающих губерний. Озлобление сильное и против подрядчиков и против администрации, которая держит их сторону. Стачки были мелкие у отдельных подрядчиков.

Из Оренбурга высылают евреев за неимением «права жительство», начали с осени, применяют меры бесчеловечной жестокости: разоряют ремесленников, дают на сборы 24 часа, о грубости администрации не говорим... Попадают случаи и незаконной (!) — как будто закон

о черте еврейской оседлости «законен» — высылки. Подано несколько жалоб в сенат. Высылками возмущаются, да только про себя.

С а р а п у л ь (Вятской губ.). Три четверти населения нашего города занято в производстве обуви. Во главе производства стоят заводы: Барабанщикова, Михеева, Дедюхина, Смагина и Пешехонова, из которых на каждом работает от 200 до 500 чел. На заводах происходит, главным образом, заготовка обуви, т. е. кройка, строчка и т. п.; большая же часть работы производится ручным трудом, на дому, мелкими ремесленниками-сапожниками. Эта домашняя работа имеет все темные стороны кустарного производства: бесконечный рабочий день, который перед сдачей обуви хозяевам, захватывает нередко несколько ночей подряд, низкая (поштучная) заработная плата и т. п. Раз в неделю являются ремесленники на заводы с готовой обувью для сдачи и получают плату за работу. Сдача нередко сопровождается значительными прижимками сдачиков хозяйскими приемщиками, при чем иногда слышатся в толпе бессильные проклятия по адресу эксплуататоров (сцена из «Ткачей» Гауптмана). Разделение труда развито довольно сильно, так что редко можно встретить сапожника, который мог бы сшить пару сапог, начиная с кройки ее, без посторонней помощи. Это обстоятельство, вместе с неимением собственного сырого материала, ставит ремесленников в кабальное положение по отношению к хозяину. Бедные жилища, которые служат и мастерскими, недостаток воздуха, света и одежды, скудное питание, худые, бледные лица членов семьи — вот обстановка нашего ремесленника-сапожника. Дети его в большинстве случаев не оканчивают школы и рано засаживаются за работу, приобретая всевозможные болезни, до чахотки включительно, которая находит себе благоприятную почву. Мне вспоминается страдальческая смерть Поли Вар., 16 лет, умершей от чахотки и водянки; трудно описать отчаяние матери, посадившей ее с 10 лет за строчку пар.

На заводах часть рабочих является приходящею, другая живет тут же на хозяйских харчах. Обстановка труда на заводах немногим лучше домашней работы: грязные, тесные, без света и без воздуха мастерские, господство всех видов незаконной эксплуатации рабочих, царство мастеров и приказчиков, грубость в обращении — являются характерными ее признаками. Женский и детский труд применяется в изобилии, при чем сплошь и рядом встречается обход закона о предельном возрасте занятых на работе детей, так что нередко 10—11-летние дети значатся в конторских книгах 13—14-летними; фабричный инспектор этого, конечно, не видит. В хозяйских казармах господствует невылазная грязь; харчи — постная пища, с преобладанием воды и хлеба, так как благочестивые хозяева больше всего заботятся о спасении душ нечестивых рабочих. Заработная плата низка, рабочий день на одних заводах, согласно закону, 11½ час., а на других, где хозяева побойчее и рабочие помирнее, 12 и 13 час. Тяжесть положения чувствуется заводскими и ремесленниками давно. Они издыхают, жалуются на свое положение, придумывают разные палиативные средства, но радикального выхода из него не видят. Ремесленники мечтают об открытии общих мастерских для них, о потребительных и производительных товариществах, но дальше не идут. Только изредка то на одном, то на другом заводе являются попытки рабочих улучшить свое положение. О некоторых из них, известных мне, я расскажу дальше...

В январе 1900 года все живущие на хозяйских харчах рабочие завода Дедюхиных забастовали, выставив следующие требования: очистка казарм и содержание их в чистоте, еженедельная баня для рабочих; вместо чугунов для чая — самовары; вместо голых досок для спанья — войлоки с подушками, ежедневные мясные щи с ¼ ф. мяса на чел. и т. п. Хозяева сразу сдались, пораженные неожиданностью этого явления. Началась чистка казарм, из кухонь понесся запах мясных щей, потянулись возы с войлоками и самоварами... Это был настоящий светлый праздник для рабочих. Они ходили повеселевшие, с сознанием собственного достоинства. Настроение сильно повысилось: шли разговоры без конца. Но радость не могла долго про-

* Для работ по постройке жел. дорог действует «Устав о подрядах и поставках», в котором нет и намека на обеспечение интересов рабочих, общее же фабричное законодательство на них не распространяется.

должаться, так как, кроме уничтоженных зол, в их трудовой жизни оставалась целая бездна еще более важных, с которыми предстояла продолжительная борьба. Ровно через две недели забастовал вторично уже весь завод, выставляя требования о сокращении рабочего времени на полчаса, а в субботу на один час, о расширении помещения мастерской, о вентиляции, освещении и т. п. На сей раз гг. хозяева бросились искать защиты у начальства: уведомили городскую полицию, вызвали фабричного инспектора и дали знать в вятское жандармское управление. Приискавшийся инспектор предварительно позавтракал у хозяев, и, явившись на завод, отказался говорить со всеми рабочими, требуя от них выборных для переговоров. Рабочие наотрез отказались исполнить это, и он принужден был выслушать их требования. После продолжительных увещаний рабочих, он, наконец, согласился и стал мягко уговаривать их начать завтра работу, обещая немедленно вывесить новые правила о сокращении рабочего дня (до 11 час., кажется) и приступить к исполнению других требований. Затем отправился в контору закутить. Работы начались, но новые правила не появлялись, и через несколько дней рабочие опять бросили работу, несмотря на обещания управляющего. Тогда хозяева поспешили вывесить новые правила... Новая победа, — новая радость для рабочих! Через месяц предстояла, кажется, полугодовая «ряда» рабочих с хозяевами, и рабочие готовились уже предъявить новое требование — повышение заработной платы. А между тем, верные царские слуги приступили к делу обнаружения вредных влияний; начались обыски у рабочих, началось таскание их на допросы к жандармскому полковнику. На помощь местным из Вятки было командировано сюда еще несколько жандармов. Началось выворачивание души и квартир рабочих, осмелившихся требовать улучшения своего горького положения. При обыске у Николая Злыгостева, перерыв весь дом, все сараи и амбары, перекопав весь снег во дворе, энергичные опричники отправились в баню, отстоящую чуть не на версту от дома, среди пустыря, и нашли там две нелегальные книжки: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и «Как английские рабочие боролись за свободу». Крамола найдена. Н. Злыгостева берут в тюрьму. Но все дальнейшие поиски и допросы остаются тщетными. Только один мастер с завода (к сожалению, не помню его фамилии), вначале очень сочувствующий рабочим, при первом же допросе принес жандармам слезное покаяние с попыткой рговорить Злыгостева и других рабочих. Но он ничего важного не дал им, кроме приятного сознания, что этот мастер подлый предатель, — значит, их слуга. Продержав Злыгостева три месяца в тюрьме, не имея никаких фактов против него, его выпустили, отдав под гласный надзор. Другую жертвою явился рабочий Жуковский, сосланный в наш город на три года. Ему прибавили еще год наказания и выслали в Яранск. Между тем, хозяева, пользуясь общим смятением, провели «ряд» без ущерба для своего кармана. Позднее рабочие добились сокращения рабочего дня в субботу для детей еще на полчаса.

Во время всех этих событий на других заводах господствовало возбужденное состояние среди рабочих, шли бесконечные разговоры, происходили частичные столкновения рабочих с начальством, но до общего движения дело не дошло. Летом того же года на заводе городского головы Пешехоньва произошло следующее событие: хозяин удлинил рабочий день на полчаса без согласия рабочих, приказав кончать работу вместо 11 час. в 11½ час. Рабочие не повиновались и уходили обедать по обыкновению в 11 час. Тогда Пешехонов устроил свисток и отдал строгий приказ кончать работу по свистку. В день первого дебюта нового свистка он приехал на завод со своим сыном-инженером, Леонидом. Под горячими лучами солнца стояли они среди заводского двора, предвкушая удовольствие победы. Но вдруг... о ужас! Ровно в 11 час. растворились одновременно двери всех мастерских, и плотная рабочая масса хлынула на двор, обходя метавших гром и молнии Юпитеров. Образованный сынок покраснел, и из уст его полились на головы ослушников угрозы тюрьмою, Сибирью и т. д. Новый свисток не помог, и хозяин принужден был

уступить рабочим. Не безынтересно заметить, что этот же городской голова г. Пешехонов, имея в своих мастерских ламповое освещение, ставил в счет рабочим керосин и разбитые ламповые стекла. Возмущенные этим, рабочие забастовали. Тогда хозяин обратился к полиции, и на место действия немедленно явился храбрый исправник с приставами и полицейскими. Но в ответ на ругань исправника мускулистые кулаки рабочих сжались крепко и со злобою направились в сторону гневного начальства. Исправник со своею свитою бросился бежать, а во след храброму воинству полетели камни, палки, посыпались остроты.

Одновременно с вышеописанною стачкою на заводе Дедюхиных, в воткинском железоделательном казенном заводе, в 60 верстах от Сарапула, происходило следующее: рабочие механического цеха забастовали, потребовав сокращения рабочего дня на один час в субботу. Громадной толпой они отправились к квартире начальника. Увидав рабочих, начальник струсил и заперся в своей квартире. Но вынужденный настойчивыми требованиями рабочих выйти, он с первого же слова объявил свое согласие, и, действительно, выполнил требования стачечников. Получилось следующее явление: механический цех в субботу кончает работу и расходится, а другие цехи работают еще час. Тогда же сразу обнаружилось сильное недовольство в рабочих остальных цехов, но до открытой борьбы не дошло еще.

Нужно заметить, что еще зимою 1899 г. в воткинском заводе была распространена нелегальная литература. Рабочие с большим интересом набросились на нее, читая за работой, во время отдыха и на улицах. Началось брожение среди рабочих, острые столкновения с мастерами и начальством. Жандармерия тотчас была пущена в ход. Благодаря неосторожному обращению с литературою, недостаточной конспирации, жандармы быстро сделали свое дело. Прежде всего, они оцепили во время работ механический цех и произвели повальный обыск у всех рабочих. Масса литературы полетела тогда в горы. Затем пошли домашние обыски, и 15 чел. рабочих были арестованы. Но их продержали две недели и выпустили. Настроение среди всего населения в то время было страшно напряженное. Мне с ужасом рассказывала потом одна купчиха, как она и все ее родное и знакомое купечество складывало тогда свои богатства в дубовые сундуки и собиралось выехать с ними в Сарапул, потому что рабочие-де грозили перерезать телеграфные проволоки, перебить начальство и разделить между собою все богатства крупных собственников. С тех пор на этом заводе не было никаких крупных волнений, но глубокое недовольство живет в рабочей среде, не находя пока выхода в свет. Почва в вышеописанных местностях богатая, но, к сожалению, сеятелей нет. Не раз приходилось слышать от самих рабочих: «Дайте нам человека, с которым мы могли бы посоветоваться, который научил бы нас, тогда у нас быстро пойдет дело».

ИЗ БРЮССЕЛЯ.

письмо в редакцию «Искры».

Брюссель, 31 дек. 1901 года.

Пишу вам под свежим впечатлением только что состоявшейся международной социалистической конференции. На ней присутствовали делегаты: от Франции Вальян и Жеро-Ришар; от Германии Каутский и Зингер; от Голландии Фан-Коль и Трульстра; от Соединенных Штатов Геррон; от Англии Гайдман и Куэльч; от Польши Войнаровская; от России Кричевский и ваш покорный слуга; от Бельгии Ансель и Вандервельд, а также секретарь Международного Бюро Виктор Серви.

В числе очередных вопросов не было ни одного из тех, от решения которых в ту или в другую сторону

зависят судьбы движения и при обсуждении которых неизбежно загораются страсти. Впрочем, Международное Бюро не имеет и права решать эти великие вопросы. Его задачи гораздо скромнее: оно должно проложить путь для сближения и для единодушного действия социалистов всех стран на почве тех решений, которые приняты другими, более компетентными инстанциями (национальными и интернациональными съездами). Не удивительно поэтому, что Международному Социалистическому Бюро приходится исполнять много необходимой, но мелкой и будничной работы.

Так, в первом же заседании его первого съезда ему пришлось обсуждать спор, давно ведущийся между Английской Независимой Рабочей Партией (Independent Labour Party) и Социал-Демократической Федерацией (Social-Democratic Federation) по вопросу о представительстве в Бюро. Конференция решила, что в январе будущего года должно быть создано в Лондоне собрание из представителей обеих английских социалистических фракций для улажения этого спора.

Из других практических решений укажу на следующее: каждой из представленных в Международном Бюро наций, кроме двух делегатов, предложено выбрать еще секретаря или — в тех странах, где существуют две социалистические фракции — двух секретарей, для сношений с Международным Бюро.

Далее решено печатать на французском, английском, немецком и голландском языках бюллетень международного движения. Но этот бюллетень будет выходить не в виде особого издания, а на страницах уже существующих органов: «Neue Zeit» в Германии; «Mouvement Socialiste» во Франции; «Social-Démocrate» в Англии; «De Nieuwe Tijds» в Голландии. Само собою разумеется, что периодическим изданиям других стран ничто не препятствует воспроизводить этот бюллетень на своих страницах. Думаю, что «Искра» и «Заря» сумеют извлечь из него все, что может быть интересного для русского читателя-социалиста.

Парижский международный социалистический конгресс 1900 г., как известно, постановил, что следующий конгресс состоится в 1903 г. в Амстердаме. Теперь наша конференция точнее обозначила время созыва этого конгресса: он состоится в половине августа. В январе 1903 г. секретарь Международного Бюро обратится с воззванием к рабочим партиям и социалистическим организациям всех стран, приглашая их прислать на конгресс своих представителей и заранее обозначить те вопросы, которые они желали бы подвергнуть обсуждению.

Укажу, наконец, на то постановление конференции, согласно которому при Международном Бюро в Брюсселе должна быть организована международная социалистическая библиотека. Социалисты всех стран настоятельно приглашаются посылать в нее все свои издания.

Перехожу теперь к тем решениям конференции, практическое значение которых определяется их политическим содержанием.

По почину Каутского и Зингера, конференция единогласно решила сделать следующее заявление: «Международное Социалистическое Бюро, собравшись на конференцию в Брюсселе 30 дек. 1901 г., самым энер-

гичным образом протестует во имя социалистического пролетариата всех стран против политики германизации в Прусской Польше, где прусское правительство не отступает перед самыми варварскими мерами для того, чтобы силой принудить польское население отказаться от родного языка.

«Бюро клеймит также лицемерие и двоедушие господствующих классов, которые не находят достаточно слов для выражения своего негодования против английского варварства в Трансваале⁴ и которые, с другой стороны, одобряют и поддерживают самый позорный гнет, налагаемый правительством на поляков в Германии. Бюро приглашает польский рабочий народ искать защиты против подавления его духовной и национальной культуры, равно как и против его экономической эксплуатации, под знаменем международной социал-демократии и всеми силами содействовать ускорению ее победы, которая одна только может принести полную духовную и материальную свободу и равенство».

По поводу «империализма» конференция, по предложению Гайдмэна, единогласно высказалась так:

«Международное Социалистическое Бюро снова обращает внимание рабочих всего света, как социалистов, так и несоциалистов, на империалистическую политику, которой держатся все страны Европы и Соединенные Штаты Америки ради служения экономическим интересам класса капиталистов.

«Несмотря на неприязнь, которая возникает по временам между отдельными нациями, этот класс, взятый в целом, везде действует одинаковым образом для поддержания своего всемирного господства.

«Если в последнее время Англией совершено было много преступлений в Южной Африке, а Соединенными Штатами на Филиппинских островах, то с другой стороны, вся Европа, в союзе с Соединенными Штатами и с Японией, совершила в Китае целый ряд несправедливостей и жестокостей, кладущих отвратительное пятно на историю нашего времени.

«Те страшные последствия, которые несет с собою для поработенных народов капиталистическая эксплуатация и которые мы видим в английской Индии, — где 230 миллионов людей были совершенно разорены английскими вымогательствами, в Ирландии, в Польше, в Африке и в Азии, ведут эти народы к нравственному унижению и к материальному обеднению.

«Господствующие классы пользуются империализмом и шовинизмом для того, чтобы противодействовать вредному влиянию капиталистической конкуренции, и для того, чтобы ослабить возрастающее влияние социализма в такое время, когда опустошительный промышленный кризис господствует во всех странах.

«Международное Бюро горячо взывает к рабочим всего мира, убеждая их не поддаваться интригам буржуазных государственных людей, не верить лжи, распространяемой капиталистической прессой, и с возрастающей энергией стремиться к полному сплочению в особую партию рабочего класса, которая объединится на международной почве для уничтожения привилегий буржуазии».

Наконец, в двух заявлениях, предложенных русскими делегатами и поддержанных польской делегаткой, В. Войнаровской, конференция заклеивала реакционные и жестокие действия нашего правительства. Вот эти заявления:

1) «Международное Социалистическое Бюро единодушно протестует против русского правительства, которое ради своих реакционных целей, нарушило конституцию финляндского народа и, недавним циркуляром министра народного просвещения, почти совершенно закрыло евреям доступ в средние и высшие учебные заведения».

«Международное Социалистическое Бюро тем более считает себя обязанным протестовать против этой последней меры, продиктованной антисемитами, что еврейские рабочие — социал-демократы — своей неутомимой деятельностью оказали большую услугу международному пролетариату».

Подписано:

Плеханов, Кричевский ⁵, В. Войнаровская.

«Международное Социалистическое Бюро клеймит ненавистный русский деспотизм, который еще раз открыл себя кровью, произведя 7 мая 1901 г. бойню среди рабочих Обуховского зав. в Петербурге во время манифестации, происшедшей в связи с празднованием первого мая и заставив затем свой холопствующий суд приговорить (в конце сентября 1901 г.) к каторжным работам и тюремному заключению 29 жертв, произвольно выхваченных из числа обуховских манифестантов».

«Бюро посылает свое братское приветствие героям — борцам, русским рабочим, свидетельствуя о горячем сочувствии, которое международный социализм питает к их освободительной борьбе против царизма, „этого врага социализма и демократии“».

Подписано:

Кричевский, Плеханов, Войнаровская.

Около 6 час. вечера окончилось послеобеденное — второе и последнее — заседание конференции, и делегаты, разбившись на группы, разошлись по ресторанам с тем, чтобы, подкрепив свои силы, снова сойтись в 8 часов на большой международный митинг, о котором заранее возведено было в центральном органе бельгийской партии «Le Peuple» и в особых афишах. Я не стану передавать содержания тех речей, которые были произнесены на этом митинге делегатами всех стран: говорилось то, что обыкновенно говорится в таких случаях. Прибавлю только, что как ваш покорный слуга, так и другой русский делегат сочли своим долгом указать западноевропейским товарищам на могучий и непрерывный рост русского рабочего движения и на постоянно обостряющиеся столкновения русского пролетариата с царизмом. Такие указания не бесполезны, так как на Западе даже социалисты очень плохо осведомлены о том, что делается в России. Но для русских читателей в них нового ничего нет, и потому я не распространяюсь о них, предпочитая отметить то поднятое настроение, которое господствовало между слушателями, наполнившими огромную «Праздничную залу» («Salle de fêtes») брюссельского «Народного Дома». Бельгийский пролетариат ведет теперь чрезвычайно энергичную борьбу с реакционной частью буржуазии за всеобщее избирательное право. Дух борьбы наполняет сердца бельгийских рабочих, и потому каждое энергичное слово иностранных делегатов встречало восторженный отклик со стороны их слушателей.

Я не раз присутствовал на больших политических собраниях бельгийских рабочих, но еще никогда они не производили на меня такого сильного впечатления.

Но приятнее и сильнее всего поражаало участие в митинге детей и подростков рабочего класса. Эти малолетние и несовершеннолетние пролетарии стройно и торжественно пропели целый ряд песен в честь иностранных делегатов. Когда смолкла последняя песня, я взглянул на своего соседа Вальяна: «Quelle belle soirée!» (какой приятный вечер!) — воскликнул до глубины души тронутый борец коммуны. И действительно, мы прекрасно провели этот вечер.

Повторяю, бельгийский пролетариат находится теперь в периоде ожесточенной борьбы. Наши бельгийские товарищи социалисты твердо убеждены, что их реакционное правительство уступит только силе, и надо видеть, как систематично и обдуманно ведут они дело революционной агитации *. Они не вступят в открытый бой раньше времени; но когда они вступят в него, их враг будет побежден, — в этом невозможно сомневаться. По всему видно, что бельгийские социалисты придерживаются «тактики плана».

Бельгийский пролетариат завоюет всеобщее избирательное право. Это будет новым, огромным шагом вперед в рабочем движении Бельгии. Но этот новый шаг будет в этой стране началом такого же «кризиса в социализме», какой переживает теперь Франция. Я думаю, бельгийский социализм вынесет этот кризис, как вынес его и французский, но я не могу не находить, что «цена прогресса» бывает по временам довольно высока.

Г. Плеханов.

Г. Плехановым внесено в Бюро за русскую социал-демократию 100 фр. — половина падающего на Россию взноса.

ИЗ ПАРТИИ

Харьковские товарищи просят нас сообщить следующий факт:

«Харьковский октябрьский провал 1900 г., как многие из массовых провалов последних лет, ознаменовался некоторыми печальными событиями, требующими непременно самой широкой огласки. Первое место между ними занимает, конечно, поведение Воейкова. Воейков, рабочий железнодорожных мастерских, человек сравнительно уже немолодой, достаточно развитый и интеллигентный, занимал выдающееся положение среди харьковских рабочих. Помимо своей весьма успешной пропагандистской и агитаторской деятельности, он особенно важную роль сыграл во время известной харьковской маевки 1900 г., когда он открыто выступил во главе тысячной толпы, руководил ею и от ее имени обратился с речью к губернатору, которая произвела сильное впечатление не только на рабочих, но и на представителей администрации. Арестованный 16 мая вместе с другими рабочими, он через три месяца был отправлен на три года в Вятскую губернию. В ноябре, после провала, он вме-

* Насколько трудно бельгийскому правительству бороться с пролетариатом, видно, между прочим, из такого факта: во время демонстраций казармы некоторых полков в Брюсселе приходится запирают, а к дверям их приставляют жандармов. Иначе солдаты присоединятся к демонстрантам.

сте с некоторыми другими сосланными рабочими был привезен из Малмыжа (Вятской губ.) в Харьков, где после недельного тюремного заключения открыл перед жандармами всю душу и принес повинную. В настоящее время он возвращен из ссылки и живет в том же Харькове, где произошло его возвышение и гнусное падение!

«Поступок Воейкова вверг в большое уныние всех сидевших. И вот один из интеллигентов, назовем его N., довольно солидный уже человек, не первый год вращающийся в революционной среде, решает, что при таких обстоятельствах, когда жандармам все уже известно, когда имеются такие веские улики, как показания Воейкова, самое лучшее покончить с делом, дать показания, взять несколькими лицам вину на себя и выгородить „молодых“. Не говоря уже о том, что выгораживать никого нельзя было, что, если кое-кто из молодых и был несколько причастен к делу, то относительно него были, в свою очередь, предательские показания, не говоря о том, что выгораживание в таких случаях возможно лишь при разрешении выгораживаемым давать показания против товарищей и чистосердечно раскаться, что, следует думать, не входило в планы г. N., не говоря, следовательно, о бессмысленности самого решения, оно ни в коем случае не могло быть допустимо с принципиальной стороны, и поэтому товарищ, которому N. сделал это предложение, отверг его с негодованием. Несмотря на это, N. решает все-таки на собственный страх и риск признать показание Воейкова. Полагая, что своим поступком он никому вреда не принесет, а только ускорит развязку, он дает показания, руководствуясь показаниями Воейкова, при этом, конечно, старается одурачить жандармов, но, как всегда в таких случаях бывает, оказывается сам в дураках. Поступок этот возмутительный и требует самого строгого порицания. Но как строго к нему ни относиться, харьковские товарищи справедливо думают, что квалифицировать его одинаково с поступком Воейкова и K° ни в коем случае нельзя. N. никого не выдавал (названные им лица уже были давно оговорены) и никакими корыстными целями не руководствовался. А если это так, то вполне понятно, почему харьковские товарищи не считают нужным опубликовать имя данного лица. Здесь суть не в том или ином лице, а в ложном понимании роли и задачи обвиняемого на жандармском следствии, если хотите, в недомыслии и отсутствии принципиальности, и поэтому здесь необходимо порицать поступок, чтобы предотвратить повторение подобных нелепостей. Между тем, предатель, как Иуда Искариот, должен быть отмечен общим презрением, на вечные времена, и потому мы и выставляем его к позорному столбу».

Присылая это заявление, товарищи желают снять с г. N. тень, которую могло набросить на него сделанное нами в почтовом ящике № 8 приглашение харьковским товарищам назвать его имя, чтобы опубликовать одновременно с Воейковым. Наше приглашение было вызвано слишком неопределенной характеристикой, данной поступкам г. N. в первом заявлении харьковских товарищей и заставлявшей думать, что эти поступки относятся к одной категории с поступком Воейкова. Из настоящего заявления мы видим, что мы ошибались, и вполне соглашаемся с мнением харьковцев, что г. N. ставить на одну доску с Воейковым не следует.

РАЗВРАТ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ СРЕДЕ.

Нам доставлен следующий листок: «Аграрно-Социалистическая Лига считает своим долгом довести до всеобщего сведения о нижеизложенном: В июне этого года Н. К. Паули, высланный из Парижа французским правительством и спрошенный его товарищами по Лиге о причинах распространившихся по этому поводу слухов, сообщил, что в апреле 1900 г. он сделал попытку на свой личный страх и риск, без ведома товарищей, для осуществления задуманного им революционного плана, вступить в сношения с русской политической полицией и вел с этой целью письменные и устные переговоры, которые, однако, скоро прекратились и не были связаны, по его

плану, ни с каким предательством или выдачей. Лига назначила комиссию для рассмотрения этого дела. После расследования, настолько тщательного, насколько это было возможно для комиссии при данных обстоятельствах, Лига пришла к заключению, основанному на сопоставлении всех результатов детального опроса Паули со всеми известными ей до сих пор объективными фактами, касающимися как самого дела, так и личности Н. К. Паули, что эта попытка была с его стороны лишь плодом крайне ложного и безусловно вредного взгляда на способности революционной борьбы, а не чего-либо иного. Доводя об этом до всеобщего сведения, Аграрно-Социалистическая Лига заявляет, что Н. К. Паули больше членом ее не состоит. Настоящим заявлением Лига считает исчерпанным лишь вопрос об ее отношении к своему бывшему члену Н. К. Паули. Лига не может, конечно, считать себя компетентною в решении вопроса о Паули в его полном объеме, так как это является не только внутренним вопросом Лиги, но одинаково затрагивает интересы всех революционных организаций; поэтому, если другие организации сочтут нужным и найдут возможным осветить вопрос полнее, то Лига готова оказать им свое товарищеское содействие.

18 ноября 1901 г.

Подписали:

Ф. Волховской, Х. Житловский, В. Житловская, С. Краснопольский, Б. Олнин, Е. Лазарев, И. Рубанович, Е. Серебряков, Д. Соскис, К. Терешкович, Н. Чайковский, Л. Шишко».

Мы, к сожалению, не имеем никакой возможности помочь Аграрной Лиге «осветить вопрос полнее». Но мы думаем, что раз Аграрная Лига считала г. Н. К. Паули своим членом и назначила особую комиссию для разбора этого дела, то ей следовало бы опубликовать как можно больше подробностей и документальных данных о «письменных и устных переговорах» г. Паули с парижскими агентами русского правительства. Пусть приемы этого общего нашего врага будут во всех деталях известны всем и каждому.

С своей стороны, мы обращаем внимание всех товарищей на этот возмутительный и позорный случай: революционер вступает в сношения с политической полицией! «Крайне ложный и безусловно вредный взгляд» на допустимость таких сношений вообще — осужденно вреден в настоящее время, когда полиция так усердно старается не только силой подавить поднимающееся все выше революционное движение, но и внести разврат в его среду, и когда громадный рост движения привлек в его ряды массу неопытной молодежи. Полицейский разврат для нас гораздо опаснее полицейского насилия. Воспользуемся этим случаем, чтобы предостеречь начинающих практиков и прочнее запечатлеть в их умах правильное понятие о высоких обязанностях и высокой ответственности всякого, кто берется за революционную деятельность.

«Общевейский Рабочий Союз» («Бунд») праздновал выпуск 25 номера своей газеты «Arbeiterstimme» («Голос Рабочих»), издающийся тайно в России на еврейском жаргоне. Возникши в 1895 г. по инициативе кружка рабочих, взявшихся поставить тайную типографию, «Голос Рабочих» издается с успехом вот уже пять лет и много сделал для сплочения сознательных еврейских рабочих Литвы и Польши в партийную организацию. Летом 1898 г. типография «Голоса Рабочих» была арестована агентами Зубатова в Бобруйске, но после некоторого перерыва газета снова стала выходить в свет. После польского «Работника», издавшего уже свыше 40 номеров, «Голос Рабочих» является старейшим из числа издающихся в России нелегальных соц.-демократических органов, которому удается выходить довольно регулярно, несмотря на чрезвычайные усилия, прилагаемые Зубатовым и его командой для разгрома еврейской рабочей организации. Еврейские товарищи в праве гордиться этим успехом, которого им удалось достичь только благодаря сво-

ему самоотвержению, энергии и организационной настойчивости. Нашим организациям приходится еще поучиться организационному умению у деятелей «Бунда». Приветствуя еврейских товарищей с выпуском 25 номера их центрального органа, мы выражаем «Бунду» пожелание дальнейших успехов в деле организации и развития классового самосознания еврейского пролетариата.

Юбилейный номер «Arbeiterstimme» (изданный, кроме еврейского, еще и на польском языке) содержит, между прочим, приветствия, полученные газетой от деятелей международного социализма: Каутского, Бебеля, Зингера, Ж. Гада и Вальяна.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Ростове-на-Дону 30 октября на вокзале Екатор. дор. пытались задержать человека, явившегося получить груз, в котором жандармы открыли нелегальную литературу. Получатель успел скрыться. 2 декабря арестован Воскресенский, в котором артельщики признают скрывшееся лицо. Отвезен в Москву. 18 дек. арестованы по предписанию из Харькова С. Мелешко и Исаак Бродский. Обыски у Локермана и мн. раб.

В Н.-Новгороде в ночь на 17 ноября, кроме уже упомянутых в № 14, обысканы Лисовская, закройщик Орлов, все квартиранты того дома, где жил арестованный студ. Розов. Добролюбовская выпущена.

В Спб. 3—4 дек. взяты еще (см. №№ 13 и 14): ст. ун. Китаев, ст. мед. В. Ковалевский, ст. ун. Сиритонин, Маклашевский, Ал. Малгенко, В. Рудницкий, техн. В. Немира, мещ. В. Антокольский, ст. моск. унив. Михеев, техн. Н. Клышко, техн. С. Сачепер, мещ. Тим. Батрашкин, пот. гр. Александров, врач Тумашевский, С. Самгин, студ. унив. В. Литов, курс. Бархатова и г-жа Эпштейн. Из Вильны привезен З. Франкфурт. В Обуховском заводе был обыск у заведующего мастерской капитана Берсеньева.

В Вильне арестован адвокат Козловский.

В Томске 25—26 ноября взяты врач на перес. пункте Павлов, его жена и фельдшерница. Кроме них, фельдшерница Мутных и еще 10 чел. У Павлова взята типография. У него в качестве кучера три месяца проживал шпион. Арестованные содержатся в местном остроге весьма плохо.

В Варшаве раб. Фед. Дзержинский, бежавший из ссылки из Вятской губ. и арестованный в 1900 г. на собрании в Варшаве, приговорен к 5 г. Вост. Сибири.

В Орехове-Зуеве 26 дек. арестовано несколько десятков рабочих, человек 65 увезено в Москву.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

За декабрь московским представителем получено: от умирающего 100 р.; за литературу: из Нижнего 44 р., из Курска 10 р., из Вятки 65 р., из Воронежа 50 р.; в Москве выручено за литературу 140 р. 04 к., из Тамбова 5 р., в Москве через 3—6 р. 35 к., от NN 50 р., от предприятия 50 р. 40 к. Всего: 520 р. 79 к. (Израсходованы на местные и организационные нужды.) — От московской группы «Три звездочки» получено 15 р. (Поступило в кассу редакции.)

Загр. Лигию рев. соц.-дем. получено: из Дармштадта 25 м., из Парижа 200 ф. (из них D. D. L. 34 ф.), из Цюриха 52 м., из Болгарии за «Зорю» 4,50 ф., из Лозанны за литер. 75,75 фр., в Б. получено: из Брод 13 м., за лит. 84,05 м., с реферата и взносы 25,35 м., из Сибири на литер. 140 м., из Лондона 30 шил., от Русского Соц.-Демокр. Общ. в Нью-Йорке 400 доллар., из Берна 161,75 фр. (в том числе из Монпелье 4,15 фр. и от Б. К. Ф. 21,70 фр.).

В пользу обуховцев: из Дармштадта 150 м., из Лондона 35 шил., от жен. отд. «Кр. Кр.» 25 руб., по листку 15 фр., сбор. в Б. 10 мар.

Кружок NN просит нас напечатать следующий отчет: с 1 сент. по 31 дек. 1901 г. получено: от приятеля 20 р., от «созерцателей 2 октября» 28 р., от инженера 5 р., за литературу 73 р. 50 к., через Худого 183 р. 50 к. Всего 320 р. — Расход: на доставку лит. 165 р., выслано в «Искру» 125 р., уплачено Спб. Союзу за лит. 20 р. Всего 310 р.

В типографии «Искры» напечатано: «Начало демонстрации» (листок). Вышел вторым изд. № 11 «Искры».

В тип. «Зари» вышло: «Бомбардировка Благовещенска китайцами» (оттиск из № 4 «Зари»).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Витте, С. Ю. (1849—1915) — выдающийся русский государственный деятель, отражавший интересы крупной финансовой и промышленной буржуазии. Будучи с 1892 г. сначала министром путей сообщения, а затем министром финансов, он своими мероприятиями (развитие железнодорожной сети, денежная реформа, протекционизм и пр.) способствовал в России развитию капитализма.

В своей политической позиции В. ярко выявил соглашательскую по отношению к царизму политику буржуазии, которая, хотя и боролась с крепостническими тенденциями помещичьего дворянства, но, вместе с тем, лишь в царизме видела спасение от революционного натиска рабочих и крестьян.

Будучи незадолго до начала русско-японской войны вынужденным выйти в отставку вследствие своих разногласий с министром внутренних дел Плеве, Витте по окончании этой войны был послан на мирные переговоры с японцами и заключил с ними мир в Портсмуте (Америка). Во время революции 1905 г. Витте много сделал для спасения пошатнувшегося самодержавного трона, убедив царя подписать известный манифест 17 октября. При этом Витте, как это видно из его воспоминаний, отверг тот проект манифеста, в котором царь «дарует» все свободы, и «настоял на принятии манифеста, в котором царь лишь повелевает правительству» выполнить его волю — «даровать эти свободы, что предполагает еще последующую работу правительства». Другими словами, Витте убеждал царя ограничиться лишь более или менее неопределенным обещанием «свобод». Дальнейший период деятельности Витте (с 17 октября 1905 г. по апрель 1906 г.), когда он был во главе кабинета министров, был периодом, с одной стороны, сговора царизма с буржуазией, с другой — периодом карательных экспедиций против восставших рабочих и крестьян.

Кроме того В. в это время удалось получить от европейской буржуазии заем, оказавший существенную поддержку царизму.

Незадолго до созыва I Государственной Думы В. вышел в отставку и в дальнейшем уже не играл сколько-нибудь крупной политической роли.

В бытность свою министром финансов В. в своих докладах царю по поводу государственной росписи, публиковавшейся в официальных газетах, всегда стремился, как это видно из передовой статьи в № 15 «Искры», представить финансовое и экономическое положение царизма в блестящем виде, чтобы облегчить получение займов за границей.

Прим. 2. Сипягин, Д. С. — государственный деятель конца XIX и начала XX вв. Бездарный бюрократ, прославившийся своими жестокими мероприятиями против революционного движения в бытность свою министром внутренних дел (1900 — 1902 гг.). При нем широко практиковалось применение вооруженной силы по отношению к рабочим, крестьянам и студентам, участвовавшим в массовом революционном движении, аресты, ссылка и проч. 2 апреля 1902 г. он был убит студентом Киевского университета С. В. Балмашевым.

Прим. 3. Озеров, И. Х. — проф., известный русский ученый, автор многих трудов по финансовым и экономическим вопросам. В начале 900-х годов читал лекции в зубатовских организациях.

Прим. 4. Трансвааль — республика на юге Африки, основанная выходцами из Голландии — «бурами». Буры частью вытеснили, частью поработили негритянские племена (кафры, бечуаны и пр.), раньше занимавшие эти места. Но и сами буры в 1899 г. подверглись нападению со стороны английской буржуазии, которая стремилась захватить богатые золотые россыпи в Трансваале. Буры в течение трех лет отчаянно сопротивлялись (так назыв. «англо-бурская война» в 1899—1902 гг.), но в конце концов вынуждены были покориться, и их республика — Трансвааль — превратилась в английскую колонию.

Прим. 5. Кричевский, Б. (умер в 1919 г.) — один из заграничных лидеров «экономизма», член редакции журнала «Рабочее Дело», сотрудник «Vorwärts» («Вперед» — центральный орган германской социал-демократии) и «Neue Zeit» («Новое Время» — теоретический орган германской с.-д., редактируемый Каутским).

О П Е Ч А Т К А.

В статье Н. Крупской: О старой «Искре» (см. вып. I, предисловие, стр. VII, столбец II, строки 36 — 38)

напечатано:

— и крестьянства в том числе; совершенно не понимая роли рабочего класса как организатора борьбы крестьянства, «Искра» боролась

следует:

— и крестьянства в том числе, совершенно не понимая роли рабочего класса как организатора борьбы крестьянства. «Искра» боролась